

Дорогие друзья!

Издать книгу стихов Михаила решили наши дочери и я для всех родных, близких и друзей, кто любит авторские песни и стихи, кто слушал, играл, пел и подпевал, путешествуя по жизни где-то рядом и встречаясь на привалах и стоянках, на фестивалях самодельной песни, а также на кухнях и сценах.

Целая коробка с юношескими Мишиными рисунками, неподписанными фотографиями и напечатанными ещё на печатной машинке и компьютере «Наири» стихами переезжала с нами с квартиры на квартиру, как по-настоящему «ценный веник».

Круг друзей и знакомых большой. Многие знают его как автора и исполнителя песен по КСП (клуб самодельной песни), по пешим, лыжным и байдарочным походам, по учебе в УПИ и трудовой деятельности.

Михаил Васильевич Неволин родился 2 декабря 1949 года в городе Свердловске. Папа, Василий Яковлевич, работал на закрытой территории завода Электроавтоматики (там теперь Вектор). Мама, Валентина Захаровна, мастером ОТК в НПО Автоматики. Дед Яков родом из Арти, воевал в 1918 и 1941 годах, получил ранение, долго находился на морозе, когда территория захватывалась немцами и отвоевывалась русскими. Ему ампутировали обе ноги, что не помешало на гражданке быть бухгалтером с личным оружием, петь песни, играть на гармошке и наводить порядок в доме на Монетке (официальное название - поселок Монетный). Мощная бабушка Маша в войну и после войны работала на погрузке бревен на вагоны. У них был единственный сын Василий.

По маминной линии дед Захар прошел всю войну и тоже был бухгалтером. Миша часто гостил у бабушки с дедушкой на Монетке с детских лет, а подростком, бывало, из Свердловска на велосипеде до них добирался за 30 км и гордился этим.

В семье появилась сестрёнка Маришка. Учился в 12 школе, перескочил из 7 в 9 класс. Очень любил математику и физику. Поступил в УПИ на физтех, отработав в 1966 году в Институте металлургии лаборантом, а затем слесарем-сборщиком на заводе Автоматики.

УПИ - это бурная жизнь студентов и бойцов стройотрядов, строительство на целине...

В 1974 -1976 работал в УНЦ инженером физико-технических проблем энергетики, подготовил материалы для диссертации, но до защиты дело не дошло - пожар в лаборатории уничтожил все его наработки. Там и остался Миша без учёных степеней.

В 1976-1979 трудился в институте НИПИГОРМАШ, где мы с ним и познакомились. Он читал наизусть много стихов и прозы, песни лились рекой! Примерно с этих лет с нами песни и песенные друзья. Миша писал стихи со школы, часть из них в разделе книги «Из рукописей». Песни появляться стали в студенчестве, на стройках и после окончания УПИ.

Прекрасные песенные времена, когда на сцене выступал дуэт Сергея Саловарова и Александра Кувалдина, а затем и ансамбля «Зеркало»! Миша быстро стал популярен и востребован как автор исполнитель, в свободное от работы время ездил с концертами по городам со своими и любимыми песнями Окуджавы, Визбора, Высоцкого, Кукина, Клячкина и др... Много пели со сцены вдвоем с Пашей Бочарниковым, с Викторией Дерягиной, с Натальей Масленниковой...

Нашлось много общих интересов, и, когда пришла любовь, мы стали жить вместе и в 1980 году зарегистрировали брак. Первая наша дочь Женя родилась 5 февраля 1982. Названа она в честь Евгения Королёва, основателя МЖК и одного из его институтских друзей. Дочь Елена родилась 22 июня 1988 и названа в честь нашей подруги Елены.

Все наши отпуска проводили с друзьями и детьми на байдарках, сплаваясь по Чусовой, Серге, Сылве, Койве, Уфе, Белой, а еще по Биш и Байкалу!

За сухими строчками биографии и записях в трудовой – огромный мир интересов, увлечений, любви, встреч и расставаний, прощаний.

Очень интересную и сложную жизнь мы прожили вместе, и сейчас его стихи и песни читаются в другом контексте, чем при жизни. По его стихам вырисовывается объёмная картина мира, который строили как умели.

Вступление к книге заканчиваю строчками одного из любимых поэтов Миши - Семена Кирсанова: « Жил – был я

(Стоит ли об этом?)...»

и строками из Мишиной песни: « ...Давай пройдем границу тьмы и света,

Чтоб оказаться в светлой полосе!»

Я благодарна Мише и всем людям, которые встретились на пути.

Благодарю всех за участие в создании книги, публикации материалов и стихов, особенно Березиных Александра и Инну, Богданова Николая, Бочарникова Павла, Боханцева Сергея, Концевую Тамару, Масленникову Наталью, Рожкова Геннадия, Саловарова Сергея, Сусловых Людмилу и Игоря, Яремко Анатолия и др.

Супруга Ольга Рожкова

Вверх по течению

Стихи и песни разных лет

*Давно мне снится этот зал,
Тут жизнь летит волшебной птицей,
И все свои, и каждый - за...
Пусть мне снова всё приснится.*

Закон парохода

Когда-то давно, ещё в школьные дни,
Средь прочих законов и правил
Я выбрал один, он мне в душу проник
И жизнь мою портит и травит.

Тогда ж я имел без особых хлопот
Оценки отличные с плюсом:
Мол, вверх по теченью плывёт пароход,
А вниз по течению – мусор.

Чуть позже я понял, что это – враньё,
Что вниз даже крейсеру проще,
Но намертво въелся в сознание моё
Закон пароходно-отбросный.

Бубнил нам профессор, мужик неплохой,
В стенах знаменитого вуза,
Что вверх по теченью плывёт пароход,
А вниз по течению – мусор.

Я в жизни немало имел синяков
За то, что не плыл по теченью,
И твёрдо уверен, что данный закон
Имеет одни исключенья.

Друзья мои жили без этих забот,
Которые слишком уж старят,
Не думая, кто там из нас пароход,
А кто по течению шпарит.

Казалось бы, вот оно: стой, не беги,
И время все шишки залечит.
Усни, чтоб не видеть удачи других,
Плывущих туда, куда легче.

Но спать мне мешает который уж год
Моя своенравная муза,
Ведь вверх по теченью плывёт пароход,
А вниз – сами понимаете что...

1987г.

На концерте авторской песни в ДК ВИЗ
1987 год.

«Белые начинают и... проигрывают»
Миша Неволин - Саша Березин во время похода на Адуй.
1974 год.

А мы любили фильмы о войне

А мы любили фильмы о войне –
Мальчишками и юношами тоже.
Развёртывались битвы на стене
Такие, от каких мороз по коже.

Снаряды разрывались тут и там,
И где-то выло, ухало, стреляло.
Строчили пулемёты по врагам,
И это было здорово. Но мало.

Мы на экраны рвались всей душой,
Забыв о том, что не хватает роста.
И мысленно бросались в этот бой,
С врагами расправляясь очень просто.

Война уже закончилась давно,
Всё сглажено умелыми речами.
А рядом жили те, о ком кино,
Но как это мы поздно замечали:

И раннюю у многих седину,
И скорбный треск прощального салюта...
Мальчишки любят фильмы про войну,
Фронтовики не любят почему-то.

Мелькнув, уходят в прошлое мгновенья.

Какого бы ты счастья ни достиг,

Ты прошлому отдашь

Без сожаленья

Ещё живой и неостывший миг.

Не погрузится мир без нас

В дыме как в потёмки.

В нём будет вечное сейчас

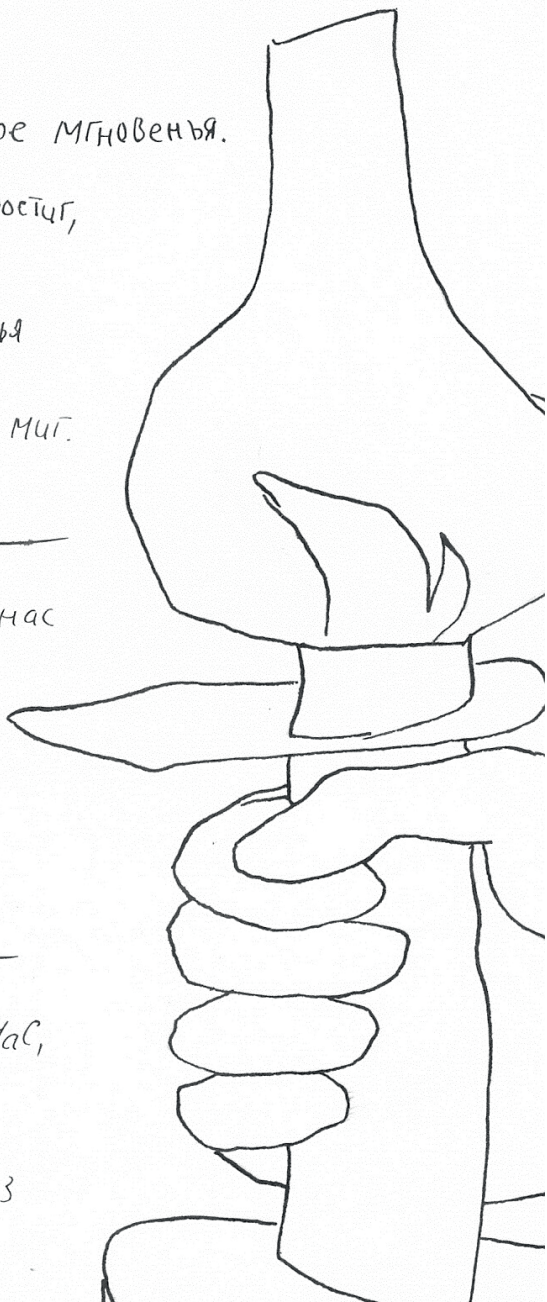
Пока жьвут потомки.

Пустькай бегут и после нас,

сменяясь, век за веком, -

мир умирает каждый раз

с умершим человеком.

О фронтовых друзьях

Я приехал сюда в этот год по весне,
Чтобы с другом своим помолчать о войне.
Тридцать лет я ему не звонил, не писал.
Я приехал сюда, только вот – опоздал.
Мне сказали, что ровно полгода тому
Как последнюю почесть воздали ему.
Как же так? Почему я об этом не знал?
Почему не звонил, почему не писал?
Нас когда-то вдвоём накрывала беда.
Может, если б мы были с ним рядом, тогда
Он бы выдержал, выжил, всем войнам назло!
Или, просто, вот так на душе не скребло.

Мы вернулись в Россию июльской жарой,
Как мы ждали тот день, как мы рвались домой,
Как нам жёны навстречу бежали бегом....
«Не забудешь?» – «Ну, что ты. Забыть о таком!»
«Ну, до встречи! Пиши и звони!» – «Ну, бывай!»....
Почему же так жгут меня эти слова?
«Был ли кто из ребят на могиле его?» –
«Все свои, – говорят, – фронтовых – никого».
Значит, как-то не так я, неправильно жил,
Раз друзей фронтовых вижу лишь у могил.
Да и то не у всех. Позабыли уже.
Может быть, от того и скребёт на душе.

Маршевые ритмы

Очень много лет назад,
До Египта с Римом,
Появились и звучат
Маршевые ритмы.

С этой музыкой простой
К нам являлись беды,
И поддерживали строй
Деды и прадеды.

Так и мы с тобой пройдем
Ратною дорогой,
Старым воинским путём,
Где ходило много.

И каким ещё не раз
Поведут на битвы
После нас и вместо нас
Маршевые ритмы.

Эта музыка войны
Ох, как крепко вбита!
В ритмы сердца вплетены
Маршевые ритмы.

Блеск трофеев да наград,
Слава да добыча...
Как тут сам не будешь рад
Поддержать обычай!

Встать в один со всеми строй,
Заменяя павших...
И играет наша кровь
В такт знакомым маршам.

И, как в прежние века,
Через зной и ливни,
Гонят нас под блеск штыка
Маршевые ритмы.

И холопов, и господ,
В том пути убитых,
Отпевали после под
Маршевые ритмы.

Без различий и чинов
Зарывали в глину,
А затем шагали вновь,
Чтобы тоже сгинуть.

Чтобы тоже стать травой,
Прорасти в то место,
Где когда-то полковой
Проходил оркестр.

Что в нем? - Флейта да труба,
Барабан избитый...
То играет нам судьба
Маршевые ритмы.

Вот и всё, я забыл адреса...

Вот и всё, я забыл адреса,
И конверты выкинул вон.
Но опять голоса, голоса,
Паровозы, гудки, перрон.

Безразличие чьих-то уст
Что-то кличет, зовёт беду.
Я сегодня так странно пуст.
Не держи – всё равно уйду.

Вот и всё, я забыл адреса
И конверты выкинул вон.
Но опять голоса, голоса –
Званный ужин на шесть персон.

Чёрный смокинг рябит в глазах,
Острой страстью дрожит рука.
И уйти никуда нельзя,
И остаться – тоже никак.

Вот и всё, я забыл адреса
И конверты выкинул вон.
Но опять голоса, голоса
По ночам обрывают сон.

Манит песен степных мотив,
Облака скользят по горам.
Но о том, что можно уйти –
Позабыть, наверно, пора.

Вот и всё, я забыл адреса,
Без печалей, обид и мук.
Но опять голоса, голоса,
Зов твоих обнажённых рук.

Как же мне удачу поймать?
Убаюкал меня покой.
Убежать, скорей убежать....
Решено – остаюсь с тобой.

Казахстан. Упи-Мезон
Квартирњерство (фото А.Ермишина)
1967 год

Предначертание

Легионеры стройными рядами
Разрезали великий Рубикон.
И, встретившись однажды с ним глазами,
Я ясно понял: этот – обречён.

Но мы пришли с проигранного боя,
И каждый пятый встал пред палачом.
Я рядом с ним стоял и был спокоен:
Он – обречён.

Как только перестали выть фугаски,
Мы двинулись, не помня ни о чём.
Тогда, увидев рядом чью-то каску,
Я ясно понял: этот – обречён.

Вот он среди кинжального огня
Неловко ткнулся в землю головой,
Наверно, кто-то, целившись в меня,
Сразил его.

Он был меня и лучше и добрей,
Он был умён, годами иссечён.
И всё ж, когда стоял он рядом с ней,
Я ясно видел: этот – обречён.

Я подожду открыто, не таясь,
Отодвигая всяких там плечом.
Он – до калитки. Дальше буду я.
Он – обречён.

Об эволюции

В древнейший момент зарождения жизни,
В пустых океанах, среди каменных стен,
На свет появились пра-пра-организмы –
Само совершенство в самой простоте.
И жизнь заиграла, зажглась, заискрилась,
Собой заполняя бесплодную твердь.
Они размножались, питались, делились.
Но это была тупиковая ветвь.

Есть панцирь снаружи, усы и клешни,
Все отмели мира покрыли они.
Глаза их сверкали сквозь илистый мрак....
Но было в них, всё-таки, что-то не так.

И смена явилась: дыханием грозным
Шли горы костей по обжитым местам.
Пронзая весь мир своим маленьким мозгом,
С трудом шевеля монолитом хвоста.
Они презирали никчемную жалость,
Дыханье их битв сотрясало рассвет.
Как выйдет – питались, дрались, размножались.
Но это была тупиковая ветвь.

Был принцип их, в общем-то, прост и не нов:
Побольше костей и поменьше мозгов.
Где челюсть зубаста – там совесть чиста...
Но было в них, всё-таки, что-то не так.

И смена явилась. И грозная сила,
Когда-то царившая, вымерла в прах.
И, словно чума, по земле расплодилась
Та голь, что на выдумки очень хитра.
Вот так появились театры и войны,
Искусство Европ, Азиатская тьма.
Любовь и неистовство, песни и стоны,
Величье, оно же бессилье ума.
Длину своих рук укрепляя мечами,
Страшась и ликуя в своём торжестве,
Они воевали, любили, мечтали.....
Но это была тупиковая ветвь.

Не очень казисты, но очень хитры,
Они разжигали познания костры,
Они разгоняли бессилье и мрак....
Но было в них, всё-таки, что-то не так.

И смена...

1970г.

О незначительности

Из капель получаются дожди,
Туманов одуряющая сырость.
От капли может радуга цвести,
А могут росы на дорогах выпасть.

Дорога извивается ужом,
Спиной росистой чьи-то ноги жаля.
Но мир бывает в капле отражён
Точней, чем наши души отражают.

С песчинки начинается обвал
Огромных валунов, корней и веток.
Едва ли кто-то горы сотрясал,
Имея за душою меньше веса.

Попробуй – удержи, останови,
Попробуй отыскать опроверженье
Замешанному в солнце и крови
Простому и великому движенью.

Бессмертье начинается с того,
Что кто-то растревожит души наши.
Чтобы потом, рискуя головой,
Заставить нас стать чище и прекрасней.

Вот так и ты в большом своем пути:
Каков ты – проверяй себя на малом.
Из капли получаются дожди,
С песчинки начинаются обвалы.

Галатея

Воспрянь же, о, скульптор! Возьми инструмент,
Что выглядит грубо и весит немало,
И, мыслям своим затаённо внимая,
Вдохни в этот камень и слёзы и смех.

Поэт, вот перо. Примостись за столом,
Пиши – хоть простым, хоть изысканным слогом,
Но сделать сумеи, чтобы каждое слово
Частицей тебя в этот камень вошло.

Играй, музыкант, объясняй не спеша
Всё то, что словами высказывать длинно.
Застывшие контуры мраморных линий
Учи волноваться, любить и дышать.

И пусть вдохновенное то колдовство
Заставит её задрожать, оживая!..
Твой скульптор сейчас от любви умирает,
Сойди ж с пьедестала на землю его!

Давно пора без всякой хитрой цели
(И что хотят пусть думают потом),
Собраться, да и выкатить на сцену
Каким-нибудь гороховым шутом.

Ну вот, теперь совсем другое дело –
Что хочешь пой, как хочешь каламбурь.
И можешь быть дурашливым и смелым
До той поры, пока не выбьют дурь.

На дурака (его же видно сразу!)
И обижаться как-то не с руки.
Однако знают те, кто знать обязан,
Что этим и опасны дураки.

А я колпак надену самый новый,
И бубенцы привешу на боку.
И что бы ни случилось, всё равно вы
Всегда и всё простите дураку.

А если вам, и старым и не старым,
Завиден будет облик мой чудной,
Ну что ж, тогда – я компанейский парень! –
Дурачьтесь, если сможете, со мной.

Я тоже стану дряхлым и степенным,
Но верю в то, что кто-нибудь потом
Возьмётся, да и выкатит на сцену
Каким-нибудь гороховым шутом.

Так стоило ль бежать из дедовских краев...

Так стоило ль бежать из дедовских краёв
К чужим тебе и рекам и горам,
Когда, придя домой, ты счастье своё
Нашёл, не выйдя даже со двора.

А в детстве полюбить ты так и не сумел
Привычное домашнее тепло.
Ты счастье искал за тридевять земель,
Оно ж в родном дворе тебя ждало.

Ты камни у ворот ладошками погладь,
Ты позабыл их в суетном пути.
Ну вот, теперь твоя дорога привела
Туда, откуда вовсе не уйти.

Прекраснейший рассвет над крышами встаёт,
И детство было будто бы вчера.
Ты столько прошагал, а счастье своё
Нашёл, не выйдя даже со двора.

Себя не убедить

Себя не убедить, что так живёшь,
Что нету обетованных земель.
И, даже если не хватаешь звёзд,
Всё будет мало, сколько б ни сумел.

Что сделать? Убежать от суеты?
Перевернуть устроенную жизнь?
Помочь кому-то, подарить цветы –
Ну, просто так, от полноты души.

Не различить, где правда и где ложь,
Привязанностям потерявши счёт.
Кого-то убедить, что так живёшь,
А вот себя не убедить ни в чём.

Зато метаний и сомнений яд,
И вечно не по нам скроённый быт
Вдруг ощутить привычным для себя
И, может, даже как-то полюбить.

Когда же вдруг потянет отдохнуть,
Когда придут спокойные года,
И мы поймём, что выше не шагнуть,
Что это наш предел, но и тогда,

Дойдя до обетованной земли,
Мы всё же будем сохранять всю жизнь —
Нет, не дворцы свои, а корабли,
Не полноту углов, а полноту души.

Чтобы считать достаток за пустяк,
Чтобы терять привязанностям счёт,
Кого-то убедить, что жил ты так,
Но вот себя не убедить ни в чём.

Сорваться, убежать от суеты,
Перевернуть устроенную жизнь,
Или кому-то подарить цветы —
Ну, просто так, от полноты души.

Дворцы и хижины

Дворцы и хижины. Когда-то
Различье было в них ясней:
В одних сверкание огней,
В других – заботы и заплаты.
В одних балы, в других – беда...

Однако нынче всё смешалось,
И что теперь дворцам осталось? -
Музейной пыли пустота.
Молчит забытое барокко
В музейном хламе и пыли,
Зато дворцовые пороки
Прописку новую нашли.

Сменили старую жилплощадь,
Дворцы на хижины, но всё ж,
Совсем не важно, где живёшь ты,
Важней гораздо, как живёшь.

«Я дворянин, душа страдает...»
«Всяк труд - плебейская возня...»
«...та заводская проходная,
Что в люди вывела меня».
Живут бездушные подонки,
Храня надменное лицо –
Не во дворцах уже, поскольку
У нас сегодня нет дворцов.

«Мир хижинам!» - как это просто,
«Война дворцам!» - вот их итог,
Но как же быть нам с нашим прошлым,
«Мир хижинам!», а дальше – стоп?

Я возражал и возражаю:
Есть и другая сторона:
Была история державы –
Не в избах делалась она.
Хоть мило нам или не мило,
Хоть изругай, хоть вознеси,
Но не забудь, не где-то было,
А на Руси, твоей Руси.

И, вглядываясь в день вчерашний,
Твержу, как главную из правд:
Где ты живёшь – совсем не важно,
Вот как живёшь – важней стократ.

Озеро Телецкое перед сплавом по Бие.
1988 год.

Романс о ноябрьском тепле

Так каждый год снег тает в ноябре
И по дорогам бьётся блеском мокрым,
И в вымытых капелью чистых стёклах
Всё кажется понятней и добрей.

И солнце, поднимаясь по утрам,
Сияет нам с небес весенним светом,
И то, что было так желанно летом,
То позднее тепло приносит нам.

Но каждый год кончается весна,
Не вовремя начавшаяся, вьюгой.
Опомнившийся город белым кругом
Сугробов опояшет седина.

Объяснение в сумерках

Ещё не ночь, уже не день –
Размазал сумрак контуры.
И вновь за окнами метель
И мы с тобою в комнате.

Вошли и встали по краям,
Шаги неловко делая.
И нету нас. Есть ты и я,
Не мы, а только ты и я,
Отдельно ты, отдельно я.

Уже не день, ещё не ночь,
В окне все тени умерли,
А мы с тобой уже давно
В плену у этих сумерек.

И впору мне сейчас уйти,
Стереть себя из прошлого.
Но, слава Богу, все пути
Метелью запорошены.

На твой укор ответ не прост,
Но объясненье начато.
И между нами всё – вопрос,
Всё – заново, всё – начисто.

Вот неуверенная тень,
Ожог прикосновения.
А за окном гудит метель,
Гудит метель, гудит метель,
Сметая все сомнения.

1980г.

Встречи-расставания

Встречи-расставания,
Перекрёсток стоптанный,
С торопливым шарканьем,
С тормозными стонами.
С удивлённым «здравствуйте»,
Со случайной новостью...
То – забыл за давностью,
Это – просто всё равно.

Что-то годы сгладили,
Из чего-то выросли.
Ну, а беды-радости
В двух словах не выразить.
Заходить не хочется,
Да в глаза не скажется.
Ну, да что там, в общем-то,
Словом не обяжется.

Равнодушным шарканьем
Перекрёсток полнится.
Что у вас не сладилось,
Разве нынче вспомнится?
Может, люди разные,
Может, встреча ранняя.
Только и осталось, что
«Здравствуй – до свидания».

Казахстан. Фестиваль стройотрядов.
1971 год.

Романс о весенней капели

Когда весенняя капель
Напоит снег морозной влагой,
Я не за тридевять земель –
К тебе приду, мой добрый ангел,
А не за тридевять земель.

И зарезвятся облака,
И лёд расколется на части.
Не оскудеет та рука,
Которой раздаётся счастье.
Не оскудеет та рука.

Пусти весенний этот хор
Во все души своей глубины.
И пусть растают, словно льдины,
Остатки зимних вьюг и ссор.
Пускай растают, словно льдины.

И ты поймёшь: зима прошла,
Жизнь начинается сначала.
Душа немного задремала,
Но вот с теплом и ожила.
Она лишь только задремала.

Свадебная

Жёлтыми крыльями машет крыльцо,
Жёлтым крылом собирая народ.
Горстью серебряных бубенцов
Свадьба над головою трясёт.

Лёгкок бубенец – мала тягота,
Любой бубенец – божья ягода.
На дуге пророс, на березовой,
И крыта дуга краской розовой.
Свадебный хмель тяжелей венцов,
День-то свадебный вдосталь пьян!
Горстью серебряных бубенцов
Свадьба швыряется в синь-туман.

Лентою дорог перевиты дворы,
И, перебивая осеннюю муть,
Звоны бубенцов открывают пиры,
Смех бубенцами звенит в дому.

Лёгкок бубенец – мала тягота,
Любой бубенец – божья ягода.
Даром, что пророс с виду маленький,
Звоны серебром густо налиты.
Этой ли порою, меняя лицо,
Поминать свободы мужской дурман?
Горстью серебряных бубенцов
Свадьба швыряется в синь-туман.

Звоны догоняют и бьют с плеча,
Если кто задумался невпопад.
Если почему-то, вдруг мир улучша,
Кнопки и лады загрузят не в лад.

И за ту тоску, за печаль-грустёбу,
Поднесли чубатому водки бас,
Чтобы, размалина, взаплески, чтобы
Пальцы по ладам, размалина, в пляс.
Для чего теперь-то, меняя лицо,
Помнить свободы мужской дурман?
Горстью серебряных бубенцов
Свадьба швыряется в синь-туман.

Музыка любви

На сотрясение основ
Уже ни в чём не претендуя,
Я подниму на щит любовь,
Я преклоню пред ней главу.
Превыше истины её,
Превыше жизни вознесу я,
И с той любовью в душе
Ещё, быть может, поживу.

Ещё, быть может, будет день –
благословлю его заране,
Когда несчитанных обид
Вдруг полегчает страшный груз.
И грянет музыка любви,
Севоскрешающая – грянет,
И я весь мир тогда прощу
И с ним обратно помирюсь.

Пока ещё кипит вражда,
И наши замыслы недобры,
Пока мы слушаем слова,
Друг другу веря не во всем,
Но грянет музыка любви –
И заглушит приказ и окрик,
И мы, с любовью в душе,
Ещё, быть может, поживем.

1989г.

И снова мне чудится...

И снова мне чудится в дымке ночной:
Как будто, от взглядов моих не таясь,
Ты так же, как прежде, стоишь предо мной,
Движением каждым и словом – моя.

Пургою мои заметало следы,
И время копило во мне имена,
Но вот ниоткуда явилась ты,
Пришла, очищая меня от меня.

Зачем же во мне это пламя горит,
На что я надеюсь без всяких причин?
Ведь губы твои где-то гаснут вдали,
Ведь имя твоё кто-то шепчет в ночи.

И вот, покоряясь во всём и маня,
Едва различимая в дымке ночной,
Движением каждым и словом – моя,
Ты так же, как прежде, стоишь предо мной.

* * *

Мир ещё пока по спирали мчит,
Кто вчера пропал – нынче в дверь стучит.
Те же лица, те, да другой исход,
Не похожий темп у других погод.

Сбор ненужных слов, что забыт давно,
Повторится вновь, как в плохом кино.
Что же каяться, если жизнь – песок.
Только кажется: это было всё...

Вся уверенность разошлась по швам,
Нету времени всё обдумывать.
Нету времени на тоску-печаль,
За какой-то миг – глянь, куда умчал.

Сон и явь, и час пробуждения,
Всё смешало в нас то вращение.
Закружился мир в сумасшедший бег,
Напрямую – миг, по спирали – век.

Забывая боль, мыслю лишь о том,
Как попасть с тобой на один виток,
На один крутой поворот судьбы,
Чтобы вдруг потом как с плеча рубить.

Сумасшедшая жизни мельница –
Как давно уже мы в ней мечемся!
Сколько времени: месяц, год, века?..
По спирали мир мчит ещё пока.

Гимн чудакам

Кто сохраняет свой покой –
Состарится не скоро.
А я восславлю чудаков,
Всегда идущих в гору.

Их бескорыстную любовь
И дерзкий смысл правдивых слов –
Неисправимых чудаков,
Всегда идущих в гору.

Везде открыта чудакам
Их истина простая.
Они живут на зависть нам
И суеты не знают.

Для нас их искренность страшна –
Их не пугают имена,
Они все чаши пьют до дна
И суеты не знают.

Я сто других наук отдам
За их бесстрашие в спорах,
Хоть очень трудно чудакам
Идти всё время в гору.

А я, ну сколько не клянусь,
А всё ж – нет-нет, да оглянусь
Вот потому и не берусь
Идти всё время в гору.

Человек на ступеньках

Сквозь окна в подъезд пробивался рассвет,
Откуда-то холодом дуло.

На верхних ступеньках сидел человек
И плакал, а, может быть, думал.
Не то, чтобы молод, не то, чтобы стар,
Не пьяный, всё, вроде, на месте.
Но что-то случилось же, если он стал
Раздумывать, сидя в подъезде.

А дом просыпался, зевал и шуршал,
И свет пробивался всё больше.
У всех проходящих щемила душа
От той нерассказанной боли.
Им вместе бы с ним помолчать, покурить,
А каждый был просто прохожий.
Но тот молчаливый растерянный крик
Их всех ещё долго тревожил.

Он просто сидел, не сказал ничего,
Но чем-то он их беспокоил.
И каждого жгло: неужели его
Постигнет однажды такое.
Не станет друзей ни в бою, ни в пути,
А так – незаметно и тихо.
И некуда будет однажды прийти,
Найти хоть какой-нибудь выход.

Всё больше в подъезд пробивался рассвет
И утренний кухонный запах.
На верхних ступеньках сидел человек
И думал, а, может быть, плакал.

Тщетные наставления

«С людьми всегда услужлив будь», –
Твердил мне часто дед, –
Тогда избежнешь многих бед,
И лёгким будет путь».

Но в споры я вступал не раз,
И не берёг бока.
(Хоть дерзости мои пока
Не принесли богатств).

«Сиди от бури в стороне!» -
Так поучала мать.
И все ж порой свой гнев сдержать
Бывало трудно мне.

Мой сын! Не выбирай слова,
Отстаивай своё.
(Ногам покоя не даёт
Дурная голова).

Ночь перед Рождеством

Снова старые домишки,
Беспризорные детишки,
Словно кто-то их навстречу
Из подвалов выгоняет.
Ну и вечер, что за вечер –
Что так выюжит, замечает!
Еле видные во мраке,
С безобразными носами,
Тихо плачут вурдалаки
Крокодильими слезами.
А она меня щекочет
И ласкается, мурлыча,
А дитё ее хохочет
По мужичьи, по мужичьи!
А она меня целует,
Руки к горлу тянет, нечисть.
Что так выюжит, так бушует?
Ну и вечер, ну и вечер!
Убежать бы, убежать бы
От тоскующих вампиров!
Заиграли ведьмы свадьбы,
Завертелось, закрутилось.
С женихами-упырями
Куролесят, колобродят,
И кровавыми руками
По спине бесёнок водит.
Похохатывают черти,
Ставят ножки, догоняют.
Вурдалаки носом вертят,
Ох, учуют, ох, поймают!...
Чур меня, чур!

Изо всех моих печалей

Изо всех моих печалей
Ты – главнейшая печаль.
Мне холодными ночами
Вновь на улицах торчать,
Снова мучиться, тоскуя,
Ёжась, словно от росы,
Снова жизнь свою былую
Класть на старые весы.

Я с собой, конечно, справлюсь,
Не впервой мне эта боль.
Я в дому уютном спрячусь,
Заглушу свою любовь,
Но задышит южный ветер
Влажным холодом в лицо,
Но опять согнутся ветки
От сосуллек и скворцов.

Ночь мятежная проходит
Вместе с солнечным лучом.
Я давно уж несвободен,
Обречен и приручен.
И другую жизнь едва ли
Я смогу теперь начать,
Но из всех моих печалей
Ты – главнейшая печаль.

* * *

От ветра и дождя, от наступившей тьмы,
Притихла, опустев, шумливая дорога,
И все мы стали вдруг обычными людьми,
Поверившими вновь в лукавого и бога.

Но каждый был в пути и одинок и слаб,
Но каждый нёс в себе привычки мирных буден.
Намокшие стволы, намокшая листва,
И некуда сбежать от налетевшей бури.

А ливень промочил и бархат и тряпьё.
А ливень приравнял детей дворцов и хижин.
И смешивали мы дыхание своё,
Вставая всё тесней и становясь всё ближе.

Кто вор, а кто сеньор, нам стало всё равно,
Нам стало всё равно, кто лучше был, кто хуже.
Ведь против бурь и бед мы были заодно,
И наших тел тепло вливалось в наши души.

Как будто в первый раз мы вышли в этот мир,
Как будто до того мы видели немного,
И сделались совсем обычными людьми,
Не верящими вновь ни в чёрта и ни в бога.

Песня об удачном походе

Кружились беды где-то над тайгой,
Кому-то путь домой запорошили.
А мы прошли к разведанной вершине
Давно уже не хоженной тропой.

А рядом кедры шли, смотрели вслед,
Смотрели, улыбались, как знакомым.
Впервые нас вели за много лет
Везенья непонятные законы.

И было всё, чего желать могли:
Окно в пурге, и путь назад нетрудный.
Чуть больше понимания друг друга,
Чуть меньше притяжения земли.

И было нам ни трудно, ни легко,
И мы не знали холодов Урала.
И были мы от мира далеко,
Хоть мир от нас ничто не отделяло.

Не стреляйте в музыканта

Страшись!

Курки и нервы взведены,
Толпа вином и страстью разогрета.
И все, на ком не юбки, а штаны,
При пистолетах.

Из всех законов – только денег звон,
Да ловкость рук, да алчный блеск во взгляде.
И просьба эта – больше, чем закон:
«Ребята, в музыканта не стреляйте!»

В кого угодно, только не в него,
Он неприкосновенней всех правительств.
Он всех вас тут ещё переживёт,
Он всех вас тут ещё в гробах увидит.

Стреляйте хоть по тени на стене,
Хоть в окна, хоть в налитые стаканы,
Хоть даже в президента, только
Не в музыканта!

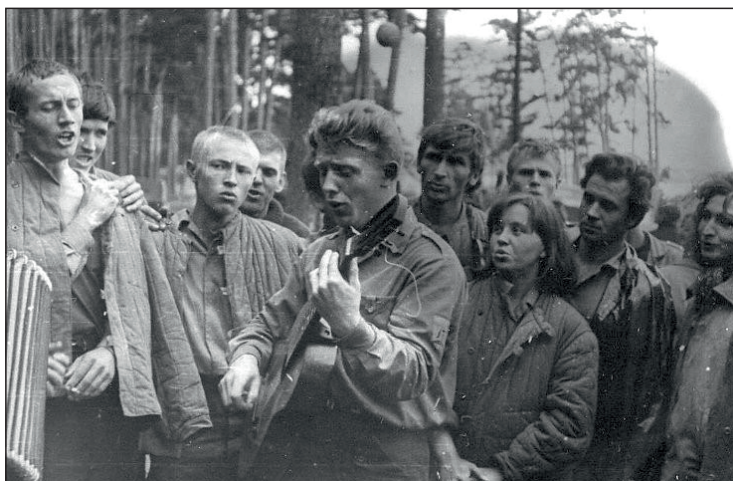
Страшись!

Я говорю тебе, страшись!
Сегодня миром правит дикий случай.
Он обрывает мимоходом жизнь
У невезучих.

Из всех законов – только денег звон,
Да ловкость рук, да властный зов азарта.
Друг в друга? Что ж, вполне приличный тон,
Но вовсе ни к чему – по музыканту.

Ему нет дела до чужой вражды,
До тайных козней, до приезжих франтов.
И пусть потом найдут хоть сотню дыр
В рояле, но зачем же в музыканте?

Стреляйте хоть по тени на стене,
Хоть в окна, хоть в налитые стаканы,
Хоть даже в президента, только
Не в музыканта!

Легенда.
1968 год.

Песня о байдарочном походе

Давай-ка, байдарку осмотрим,
Загрузим пожитки – и в путь.
Нам выпало плавать не морем,
Но это не хуже ничуть.

Речушка бурлит суматошно,
А мимо плывут по краям,
Плывут и становятся прошлым
Деревья, дороги, друзья.

Домашней уютною ночью
И в этой бурлящей глуши
Мы тратим хоть важные очень,
Но разные части души.

А души, увы, неделимы –
Они совмещают легко
И запах привального дыма,
И звуки трамвайных звонков.

Чем дальше уходишь от дома,
Чем дольше тоскуешь без сна,
Тем ближе к чему-то такому,
Что лучше пока что не знать.

Не знать – разве это возможно?
Не знать, по стране колеса,
Не знать, что становятся прошлым
Деревья, дороги, друзья.

Кипят буруны над камнями
И заводи сносят с пути...
Дороги, что пройдены нами,
Храним мы в душе до седин.

А души, увы, неделимы,
Они совмещают легко
И запах привального дыма,
И звуки трамвайных звонков.

Декабрь 1987г.

Нет у дороги конца

Друг мой старый, судья мой строгий,
Нам с тобой уже много лет.
Нас сдружила с тобой дорога,
А надёжней гарантий нет.

Нас с тобой поезда качали,
Мыли ливни, буран кромсал.
Но мы знали – это начало,
Знали: всё начинается с дороги,
И нет у дороги конца,
нет у дороги конца.

И легко нам и трудно было,
И порой утомлял поход.
Но всегда оставались силы
И желанье идти вперёд.

Но опять в нас с тобой звучали
Незнакомых стран голоса.
Вновь мы были с тобой в начале,
Где всё начинается с дороги.
И нет у дороги конца,
нет у дороги конца.

Нас с тобой не состарят годы,
И опять нам дорога - дом.
И опять, позабыв про отдых
Мы куда-то с тобой идём.

Нас вращеньем земли качает,
Но навечно вошло в сердца:
Всё имеет свое начало,
Всё начинается с дороги,
И нет у дороги конца,
нет у дороги конца.

* * *

Ручей в деревьях, мелях и заторах
Мы величали вежливо рекой,
От берега до берега которой
Кидали плот всего одним гребком.
А ветреница устилала берег,
И берег первоцветами белел,
С надеждой ожидая самых первых,
От спячки отряхнувшихся шмелей.

Нас посещали радостные мысли,
И, после всех распутиц и снегов,
Душа была от мусора отмыта
Холодной вешней мутною рекой.
Катитесь, неуёмные потоки,
Катитесь, размывайте берега.
Развейте наши зимние потёмки,
Бросайте нас сильней на перекат.

Неважно, что опасностей немного,
Что где-то есть гора домашних дел.
Дорога – даже в Африке дорога,
По воздуху, по суше, по воде.
Дорога не оставит нас в покое,
Ожоги исцелит от холодов
И души отогреет и отмоет
Холодной вешней мутною водой.

Май 1988г.

Размышления под стук колёс

Стук колес, глухие речи.
Как в окошко ни взгляни,
Только рельсы, рельсы, рельсы,
Да огни, огни, огни.

Что так быстро поезд гонит,
Поспешают кто за чем.
Я один во всем вагоне –
Непутёвый да ничей.

Далеко, за дальним лесом
Месяц сгорбился, поник.
Только рельсы, рельсы, рельсы,
Да огни, огни, огни.

Пусть меня дорога лечит,
Боль мою заговорит.
Может, завтра будет легче,
Если выжить до зари.

То ли слёзы, то ли дождик
Льёт в окошки темнота.
Так и ехать бы подольше,
Не приехать никогда...

1986г.

Жду рейса

Жду рейса. Весь аэропорт заполнен.
Жду рейса и иных забот не помню.
Жжёт солнце, стонут тормоза на рельсах.
Сижу один, закрыв глаза, жду рейса.

А где-то, на других краях маршрутов,
Считает верная моя минуты.
День без меня, неделя, год – как странно,
Зачем она так долго ждёт – жизнь кратка.

Ну, что нас держит, что влечёт друг к другу?
И время медленно течёт по кругу.
Меняй листки в календаре, надейся,
Стук лифта слушай на заре: жди рейса.

1989г.

Пока горит свеча

Пока горит свеча, от сквозняков дрожа,
Останови свой бег – пусть говорит душа.
И всё, что позабыл, не понял сгоряча,
Пусть прозвучит теперь, пока горит свеча.

Пока горит свеча, ты для всего открыт.
Рождаются миры и старятся миры,
И их прощальный блеск стекает по плечам,
Пока горит свеча, пока горит свеча.

Разорван круг обид, в котором ты кружил,
И на руке лежит чужая чья-то жизнь.
И в маленьком огне, повисшем над столом,
Сгорает без следа, навек сгорает зло.

Как жаль, что не унять минут спешащих марш,
И всё вернется вспять, когда наступит тьма.
И этот лёгкий звук дыханья у плеча
С тобою лишь пока, пока горит свеча.

Но станет мир добрей, но будет тише боль,
И свет любви твоей зажжется над тобой.
И, значит, стоит жить, и верить, и прощать,
Пока горит свеча, пока горит свеча.

1982г.

Затянулся привал

Затянулся привал, скакуны одичали
В табунах без седла, без лихих седоков.
Там, где ярость кипела, заныли печали
И привычкой сменилась любовь.

Затянулся привал. Нет погонь и падений,
Нет азартных пари и кровавых боёв.
И, забыв понемногу про общее дело,
Всяк твердит про своё.

Затянулся привал. Свежий воздух нам вреден.
Вздых тяжёл от наград и привычных забот.
Мы на полках лежим, мы считаем, что едем,
И теченье само нас несёт.

Надо это сломать, надо с этим расстаться!
В мире нету надёжней и крепче цепей.
Затянулся привал – нам пора просыпаться
И седлать своих сытых коней.

1986г.

Улыбайтесь!

Улыбайтесь! Вот – самый приемлемый тон.
Усмиряя кипенье страстей,
Затаите обиду и скройте восторг
За улыбкою светской своей.

Улыбайтесь повсюду, друзьям и врагам,
На войне и в любовной игре,
И тогда тайны света откроются вам,
Неуместна слеза при дворе.

Хмурый лоб заговорщик имеет и враг,
А возвышенность мыслей – простак.
Где они улыбнуться не смогут никак,
Там для вас всё должно быть – пустяк.

Пусть глупцы суетятся, стараясь для всех,
Под брэнчанье возвышенных слов,
Их погубят дуэли, наветы друзей
И любовниц заброшенных злость.

Улыбайтесь, когда вам бывает легко,
Улыбайтесь, когда тяжело.
Даже в смертный свой час, под могильным венком,
Улыбайтесь – живущим назло.

1978г.

Предпоследний снег

На город выпал предпоследний снег,
Блестящий, водянистый и весомый.
Последний зимний праздник невесёлый,
Последний белый фейерверк весне.

И с городом прощается зима...
Так женщина, что стала всем привычной,
Вдруг осознав, что счастья не вышло,
Уходит, обрывая всё сама.

А что бывает горше этих слёз,
Холодных слёз разлуки предстоящей,
И знания, что в прошлом уходящем
Ты не была нужна ему всерьёз.

И пламенем безумным не сожгла,
И ласкою уютной не укрыла...
Как зимнее холодное светило,
Безропотно весь срок свой прожила.

И вот, как будто всё увидев вдруг,
Решив, что это лучше для обоих,
Рванула нить рассудочной любви
И выскользнула льдинкою из рук.

А за окном пейзаж зазеленел,
И карусель над парком закружилась...
О чем я? Ничего ведь не случилось,
А просто выпал предпоследний снег.

1988г.

Баллада о водопроводном кране

Гудит победно кран водопроводный,
Нахальным рыком сотрясая дом.
И, видимо, вполне уверен в том,
Что может издеваться как угодно.
И не явилась миру та рука,
Что усмирит взбесившиеся трубы.
Не потому, что это слишком трудно,
А просто в доме нету мужика.
А я – не в счёт. Я здесь случайный гость.
Мне не пристало замечать всё это.
Чужого одиночества приметы...
Да мало ль что кому не удалось.

Восславим отдых после суеты
И предадимся лени и покою.
Не часто выпадает нам такое.
Вот на столе дежурные цветы.
Не важно, кто их и когда принёс,
И чей был праздник, и какой был повод...
Случайный гость для этих стен – не новость,
Тем более, таким ненастным днём.
И я не буду ни о чём гадать,
Касаться запрещённых тем не стану.
Да если бы не этот рёв из крана,
Все было б как обычно, как всегда.

Дымится чайник, на столе полно,
Отсчитывают ходики минуты.
От пирогов до тихого уюта -
Всё в доме для гостей припасено.
Беседа наша теплится едва,
Мы вспоминаем разное некстати,
Но взгляд хозяйки до того понятен,
Что ни к чему какие-то слова.
Но я уйду. Совру, что мне пора,
Не замечая огорчённых вздохов.
Скажу, что было всё совсем неплохо,
И почию перед уходом кран.

Июнь 1987г.

* * *

Я искать не буду встречи,
Я не буду говорить,
Буду слушать Ваши речи,
Взгляды быстрые ловить,
Буду слушать эти звуки
Вашей музыки чудной,
Чтоб не мучиться в разлуке
Неизбежною виной.

Я в броню одену душу,
Невнимательный к словам,
И притворно-равнодушно
Улыбаться буду Вам.
Откуплюсь от Вас цветами,
Всем желаньям вопреки,
Чтобы с музыкой сплетались
Лишь пожатия руки.

Но забудусь от круженья
Ваших слов и этих дней.
И, увы, прикосновенья,
И огонь, и всё в огне...
Оттолкнусь движеньем плавным
И, замешкавшись чуть-чуть,
Словно бабочка на пламя,
К Вам навстречу полечу.

Ноябрь 1986г.

Вот – женщина

...Да и нужна ли нам вина,
Чтоб осудить за то, за это?
Вот – женщина. Она одна,
И вызывающе одета,
И независима в деньгах,
И независима в сужденьях,
И в поведении не строга
(да если б только в поведении).

Как улыбается она
Тебе, когда проходит мимо!
И, стало быть, её вина
Уже ничем неискупима.

Со всей бесспорностью видна
Её виновности примета:
Вот – женщина, она одна,
И вызывающе одета,
И независима в деньгах,
И независима в сужденьях,
И в поведении не строга
(да если б только в поведении).

Её кричащая вина,
А в чем – ужель так важно это?
Вот – женщина, она одна,
И вызывающе одета,
Вот – женщина...

Июнь 1989г.

В доме сумерки устрою

В доме сумерки устрою
И стакан себе найду,
И тихонечко открою
Остро пахнущую дурь.

К чёрту боли и заботы!
Капли лягут на паркет,
И стакан наполнит что-то
Непроглядное на свет.

И начнут метаться мысли
И теряться на лету,
И начну катиться быстро
Я под горку в темноту,

Где туман, на бред похожий,
Над болотами кружит...
Разве что сравниться может
С этим праздником души,

С этой гибельной дорожкой
В сети траурных кружев!
И проглянет за окошком
Пропасть в девять этажей,

И затянет, и замучит,
Заворожит темнотой,
Но на дне в траве колючей
Вспыхнет аленький цветок.

Ясной искрой, чистой нотой
Разольется по траве
И с души прогонит что-то,
Непроглядное на свет.

И тогда я вглубь отпряну,
От окошка в темноту,
И плесну на дно стакана
Плохо пахнущую дурь...

1982г.

В городе жарко

В городе жарко. Пожухли цветы,
Листья акации солнцем убиты.
В сводках пожарных пестро от событий,
Строки газеты – лениво пусты.
Зной. По утрам не увидишь росу,
В пыльных лесах родники пересохли.
Жарко...
А женщина плачет на солнце,
Как драгоценность, роняя слезу.

1980г.

Не судьба

Словно из воды: выдох-вдох...
Хоть не заходи в этот дом.
Видно, ты своё уже отлюбил.
Уходи от зла дальше в ночь:
Где любовь была – холодно,
Где судьба была – нет судьбы.

Ты же раньше был всех сильнее –
Тем больней удар, тем больней,
Что разорван круг для тебя.
Уводил невест от стола,
А когда любовь обожгла,
Оказалось вдруг – не судьба!

Есть такой закон: взял – плати,
Так что, хоть ползком приползти,
Не задержат даже взгляд на тебе.
Ты один из многих, увы.
Где была любовь – нет любви,
Как ни поклоняйся судьбе.

Клятвы и поклоны – не в счёт!
Что ж тебе осталось ещё?
Видно, в книге судеб есть росчерк твой.
Что тебе дано, то дано,
Ты же отлюбил всё давно,
И бесцельно спорить с судьбой...

Друзьям, с которыми я расстался

Я не то чтоб рано встал – я сегодня не ложился.
Жгучим холодом легла на плечах моих роса,
И мелькали предо мной всех друзей забытых лица.
Тех, кто бросили меня, тех, что я оставил сам.

Мне б увидеть, как они незаметно уходили.
Мне б тогда ещё кричать, одиночество кляня.
Значит, то, что мы в себе понапрасну не хранили,
Острой болью вдруг пришло, той, какую не унять.

Но во мне, назло годам, живо всё, что было прежде:
Наши споры до зари, наши песни при свечах,
И поддержка наших рук, и нечаянная резкость....
Всё, что нужно мне сейчас. Только где оно сейчас?

Но я знаю, я решил, что однажды затоскую,
Напишу им по письму и приехать попрошу.
Я их вместе соберу, ну а дальше – будь, что будет.
И про то, что я без них не могу, я им скажу.

Печаль об исчезнувшем городе

Всё на земле преходяще и бренно.
И города, как и люди, однажды
Гибнут, и их равнодушное время
Вдруг забывает в эпохах вчерашних.

Время стирает победы и страхи,
Время мешает дурных и красивых,
И безмянным невидимым прахом
Он под ногами живущих рассыпан.

Город - как напоминание горькое,
Город - мираж, оболочка от города.

Надо быть так же песком занесённым,
Чтобы понять эту боль безнадёжную.
Поздно, и мы не успели помочь тебе,
Не повернули историю сонную.

Не повезло тебе, город - страдание,
Чьи-то исполнились злые пророчества.
Земли сменили и имя, и отчество,
И позабыли былые названия.

Канули в Лету правители гордые,
Чьи-то надежды, любви и горести.

Заповеди

Как хочется приказывать и знать,
Что будут приказания законом.
Движением бровей освободить,
И осуждать, лишать и награждать
Под благодарный лепет награждённых.
А эта ваша школьная мораль –
Сильнейший в ней нуждается едва ли.
Христа распяли, и ничуть не жаль,
Подумаешь, великая печаль,
Что заповеди вместе с ним распяли.

Эй, там, внизу –
Гляди бодрей!
Нам всем к лицу
Нести свой крест.
Устройся в стаде
И повторяй:
Мол, не укради,
Не возжелай.

Ну, не смешно ль: за столько тысяч лет
Пройти от пирамид до электричек,
Татар отбить, чумой переболеть,
Гекзаметр создать и пистолет,
Но не сменить повадок и привычек.
Какими бы ни были имена,
Всё те же страсти душами владеют.
Так, у иных горбатится спина,
Другим же надо властвовать и знать,
Что выполняют любую ахинею.

Отставить жалость,
Давай любовь!
А после – замуж,
Плодить рабов.
Притихни ради
Царёвых ласк,
И не укради,
Не возжелай.

А будет шум – и это не беда,
От шума да от крика мало лиха.
И муравейник надо иногда
Расшевелить. Опаснее, когда
Вдруг беспричинно станет слишком тихо.
Подкинем вниз каких-нибудь забот:
Пусть борются, кипят, сжигают жизни.
Сначала так, потом наоборот,
Сегодня с тем, а с этим через год.
С бездельем, с клеветой, с алкоголизмом.

Чти тех, кто старше
И возлюби...
Ну, как там дальше?
- А, не убий!
А так как грядет
На Землю рай,
То не укради,
Не возжелай!

Январь 1988г.

Не советую вам

Те, кто поклонялся огню,
Видели спасенье в огне,
Знали, что любую вину
Только смерть искупит вполне.
И стекала тёплая кровь
На горящий жарко костер,
И в сияньи этих костров
Страхи превращались в восторг.

А красивые позы у этих чинов от культуры!
Благородны их лица, и взгляд устремляется вдаль.
Слишком, разве что, прочными
 могут казаться фигуры,
Но красивые позы красивыми будут всегда.
И такой приговор вряд ли кто назовет приговором.
В кои веки нас просят, не требуя и не грозя,
Осторожно слова в свою речь подбирают, в которой
Говорят: «Не советую» там, где стояло «Нельзя».
Ах, какой несвет! Разве можно его не услышать!
Понимающий взгляд вяжет руки
 сильней, чем приказ.
И уже разговор поспокойнее, страсти потише,
И уступка твоя не покажется столь велика.

Те, кто поклонялся огню,
Вовсе не прощали обид,
Обращая в веру свою
Мощью кулаков и дубин.
Заставляя всюду ценить
Силы бесконтрольной закон,
В спорах выбирали они
Главным аргументом огонь.

А и вправду: к чему вспоминать
наши прошлые счёты?
С нами нынче на «вы» и вполне уважителен тон.
Ну, подумаешь, было, что кто-то,
когда-то, кого-то...
Нынче вряд ли и вспомнится: кто, и кого, и за что.
И найдётся ли грудь, где стучит ещё пепел Клааса?
Ну, а раз не найдётся –
то, вправду, к чему вспоминать?
Но в потухших кострах ещё души убитых дымятся.
Но в раскатах громов ещё слышатся их имена.
Как привычны сегодня запретные раньше вопросы!
И хоть голос всё тот же, но стали иными слова.
Нас теперь убеждают. Случается, даже и просят.
И, где было «Нельзя», говорят: «Не советую вам».

Те, кто поклонялись огню,
Положась на крепость дубин,
Хоть и побеждали в бою,
Были так ничтожно слабы!
Им ещё учиться века,
Чтоб нащупать эти слова.
От дубинки и кулака –
К тихим «Не советую вам».

1987г.

О волках и собаках

По лесам постреляли волков —
Деловито, как всех неугодных.
Но лафа для отбившихся псов,
Разномастных и разнопородных.

Друг-эколог спешит возвестить
Все подробности этого факта,
Ну, а псы уже учатся выть
И хрипеть от разбойного фарта.

И уже не узнать всё равно —
По глазам, по азарту в погоне,
Кто недавно в лесах, кто давно,
Кто из бывшей шпаны, кто в законе.

Тот, который вчера охранял и берёг,
Кто чужих не пускал на хозяйский порог,
Тот сегодня своих же за горло берёт:
Научился у бывших хозяев!
На собачье обличье не вскинут стволов,
Вот они безнаказанно входят в село.
Азиатская хитрость, коварство и зло
Торжествует и сходится в стаи.

Где ж ты, бывшая серая рать?
С вами было спокойнее, право.
Вас вели под флажки умирать,
Вас красиво стреляли в облавах.

Символ смерти – оскал ваших морд,
Вы – угроза беззубой природе,
Но никто из клеймивших не смог
Припаять вам «измену породе».

Даже слабые плотью щенки,
Чуть хлебнув подневольного горя,
Грызли цепи, стирая клыки,
И хозяину целились в горло.

Вот и сгнули те, кто не верил слезам,
Те, кого выдавали оскал и глаза.
Ваша смена умеет и рвать, и лизать,
Если надо – так даже ласкаться.
Вот и кончилось время открытых забрал:
Неприметная серость, лишённая прав,
Стала слишком приметна – на зелени трав
Стала слишком уж в мушки бросаться.

Синица

Не пойму: наяву или снится,
Брежу я или просто пою.
На ладонь мою села синица,
Позабыв осторожность свою.
Я сдавил её хрупкую душу,
Что творил, понимая едва,
А потом настороженно слушал:
Как она там, жива – не жива?

И удача в моём поселилась дому,
Я от бед ускользал невредим.
Главный приз доставался лишь мне одному,
А заботы и шишки другим.
Я бретёрствовал, лоб подставлял под прицел,
Но, от смерти уйти торопясь,
Не являлся противник ко мне на дуэль,
Покрывая бесчестьем себя.

И кружились счастливые лица,
Звон бокалов и стол на двоих...
Но слабела, слабела синица
В крепких, потных ладонях моих.
Но, уже не умея иначе,
И не чуя грядущей беды,
Я, как прежде, транжирил удачу
По бокам, позади, впереди.

Парки нить мою стали небрежно плести,
Перст судьбы отклонился слегка.
Зазвенело в ушах и заныло в груди,
Когда все обнаружили чуть впереди
Посчастливей меня чудака.
Как, тягаться со мной? В жажде новых побед,
В напряженьи, в азарте, в рывке
Я тянулся и вырвал победу, успел!
Но помятый комочек чуть слышно хрипел
В ослабевшей от схватки руке.

Жизнь текла из него по крупицам.
Кончен праздник, виновник забыт.
Жёг ладонь мою мёртвой синицей
Самый щедрый подарок судьбы.
Не вернёшь ни скандалом, ни плачем,
Что раздал, раздарил и распел...
И к другому (а как же иначе!),
Упорхнула к другому удача,
Как синица в ладони с небес.

Январь 1988г.

Хан велел изготовить коней золотых

Хан велел изготовить коней золотых...
Хан велел изготовить коней золотых -
Из трофеев, кровавым трудом нажитых,
Он велел изготовить коней золотых.

Для чего же мы, коли так слабы,
Коли зло из тьмы не смогли отбить,
Коли дом в огне, да беда лиха,
Да кресты в коней переплавил хан?

Ты, отец, скажи: может, нам пора
Отойти служить у того шатра,
Убежать навек от родимых стен?
Для чего мы есть – вразуми, отец!

Ой, не впрок тебе, хан, этот шик,
Даже если ты сам долго жил.
Долго, да не до судного дня!
Ой, гордыню б тебе, хан, унять...

Хан поставил коней перед входом в шатёр...
Хан поставил коней перед входом в шатёр
И упал умирать на роскошный ковёр,
Ну, а кони остались у входа в шатер...

Ты сдержи, сынок, эту боль и стыд:
Я вчера не смог – завтра сможешь ты,
Ещё будет, где сбросить тяжкий груз –
Не последний день пережила Русь!
Не последний год, не последний груз,
Ещё много гроз превозможет Русь!
А когда взойдёт нашей славы весть,
Ты поймешь, сынок, для чего мы есть.

Ноябрь 1998г.

* * *

Слушайте! Остановите мгновение.
В мире пора разобраться, наверное.
Светом «юпитеров» тьму раскря,
будем на «ты», будем на «я».

Мне одному, что ли, груз этих слов нести?
Вместе помыслим хоть раз без условностей.
Вместе посмотрим, без обиняков:
Кто ты таков, кто я таков?

Добрые, злые, талантища, бездари,
В нору ушедший, парящий над бездною,
Тихие, буйные, очень, не очень ли,
Самые крайние, средние, прочие...

Чем вы живёте: моментом ли, эрою?
С кем вы пойдёте душою и верою?
Кто вы в полёте: орлы или ласточки,
Чем вы берёте: жестокостью, ласкою?

Будем на «ты», не обижусь – обяжусь, но
Всё, что в душе твоей было запрягано,
Всё оцени, назови, покажи –
Так ли твоя начинается жизнь.

Солдат Иосиф Швейк

Во всём виновен сербский взбесившийся злодей,
Убит рукой злодейской эрцгерцог – друг детей.
Он жулик был, но всё же – пусть загремит сапог.
Сотрём с подмогой Божьей Европу в порошок.

И не поняв, кто правый, кто неправый,
В душе презрев свой суматошный век,
Надев шинель, пошёл сражаться brave
Солдат Иосиф Швейк.

Гремели канонады, сияли небеса.
«Спеши иметь награды за наши телеса,
Сгуби чертям на радость не гибнущих солдат...»
Беда, коль император слегка придурковат.

И лишь на Швейка не нашли управу,
Не унывал весёлый человек.
Дымил себе своею трубкой brave
Солдат Иосиф Швейк.

Он жил, как все солдаты взбесившихся царей,
Средь пьяных фельдкуратов и грубых егерей.
Он был на шутки мастер, не уставал от сна.
Он жил, и высшим счастьем считал стакан вина.

Зачем ему политика и слава,
Он от войны не становился злей.
Я очень рад, что жил на свете brave
Солдат Иосиф Швейк.

* * *

Получи свою удачу
И забудь свою печаль:
По ночам не слышно плача,
И разве только по ночам?

Что-то нынче замолчали
Те, кто прежде рвался в бой.
Видно, плохо без печали,
Без обид и без забот.

Видно, плохо без утраты,
Слишком пресной стала жизнь:
Получи любовь-отраду,
Получи и распишись.

Всё удачно – вот потеха:
Хоть сказал, хоть промолчал.
Отчего ж не слышно смеха,
И разве только по ночам?

Что за счастье – да без драки,
Да без крови, да не в счёт.
Но тогда – чего же ради,
Но тогда – на кой же чёрт?

И вертеться, и кружиться,
И бросаться сверху вниз?
Видно, больше не приснится
Сон мне: жёлтые огни...

Легенда о Сурамской крепости

Мудрец сказал: «Сурами тьма врагов,
И, дабы не бояться их отныне,
Должны мы строить крепость на вершине,
Не помня суеверий и погод».

И стало так. Но ветер и река
Откатывали камни с гор в долины,
А снова вознести их на вершины
Способна только мастера рука.

Был труд людей и радостен и чист,
Твердыня уж почти возведена,
Когда однажды рухнула стена,
И камни с громом покатались вниз.

И было так ещё немало раз.
Отчаянье у всех сковало силы.
И люди снова мудреца спросили:
«Что делать нам, когда в нас дух угас?»

Мудрец ответил им: «Найдите мать,
Что приведет единственного сына.
Стена не станет рушиться в долину,
Когда б его нам в стену вмуровать».

И стало так. И трое матерей
Пред ним явились, строги и суровы.
И гордо были их сыны готовы
За свой народ и жить и умереть.

Мудрец сказал: «Не надо, пусть живут.
Но гордость их и самоотверженье
Пусть вам помогут победить сомненья,
И всё-таки поставить крепость тут».

Уж с той поры прошло немало дней,
И рухнула Сурамская твердыня.
И лишь одна стена стоит поныне:
Её построить было всех трудней!

«Фото с гостем фестиваля авторской
песни Андрей Козловским»
1988 год.

Никола Гамов

Я выросал средь суеты и гама,
Не зная, что есть марш, что - вальс-бостон.
Но был блатной певец Никола Гамов
С гитарой, вызывающей восторг.

Его братан вернулся из отсидки,
И Коля подражал ему во всём:
Его репертуар, его ужимки,
Его акцент... Какой там вальс-бостон?

Вполуха мы выслушивали фуги,
Затем Битлами наслаждались всласть,
Но выше всех для пацанов округи
Был не Муслим, а Гамов Николай.

Он признан был без титулов и званий,
Он процветал тогда во всей красе.
Он знал в тринадцать высшее признание:
Немой восторг в глазах своих друзей.

Мы наживали шрамы на коленях,
Рубцы на душах, записи в «делах».
И жил меж нами Гамов Николай –
Разменная монета поколенья.

Мы удались, и до сих пор в строю.
Кто лучше, хуже - разве скажешь точно.
Мы жили и не думали про то, что
Его судьбой платили за свою.

Май 1988г.

Ну, что ж, наверное, пора.
Уже довольно пошумели,
Поколесили и попели...
Вот и цепями прозвенели
Псы у хозяйского добра,
На зависть нам или в укор
Привычной скудности квартиры.
И, дикий от свободы, кот
Лёг по-хозяйски у ворот,
Открытых в беспредельность мира.

Ну, что ж, пора переболеть
Тоской по незнакомым лицам
И наконец-то научиться
Всех неудачников жалеть,
Давать поддержку всем, кто слаб,
Надежду тем, кто разуверен,
Постигнуть тайны ремесла –
Доходного, по крайней мере.

Пора ворота на запор –
Пусть зарастут травой дороги.
Нагрузим воз иных забот,
Найдём друзей иной породы.
Уступим первенство другим
В любви, дерзании и в споре,
И про собаку поместим
Предупрежденье на заборе.

Январь 1987г.

Новое прочтение библейской легенды

Она не понимала зла,
Обмана и коварства.
И сына на руках несла,
Дитя с глазами старца.
И было что-то в ней не то,
В её лице и позе.
А что хранил её святой –
Про то наврали позже.

Тогда ж, легендам вопреки,
Её травили хамы.
Над ней смеялись дураки,
Ханжи кидали камни.
Мадонна шла своим путём,
А вслед змеились слухи.
Никто не верил, что дитё
Святым зачато духом.

А сын не бился на руках –
Пусть дураки ялятся.
Он словно знал, что смерть близка,
Дитя с глазами старца.
Как он спокоен был и тих,
Когда кликуши выли.
Зато он так смотрел на них,
Что всем хотелось выйти.

Был тяжек взгляд его простой.
И вдруг сказал Иуда:
- Он кончит всё равно крестом
Так пусть живёт покуда.

Каин

В этот обречённейший из дней
Страх меня всего опутал, каюсь.
И тревожит душу всё сильней
То, что ты его не предал, Каин.

Почему он всё ещё живой?
Мучит совесть? Мало заплатили?
Ты ж оставил право за собой
Лицемерно плакать на могиле.

Что ж ты сомневался, выжидал?
Может быть, раскаяние гложет?
Нет! Кто хоть единожды предал,
Тот не предавать уже не может.

Никуда с дороги палачей
Не свернёт, не растворится в массе
Тот, кто понемногу продал честь
За известность или счёт в сберкассе.

Помнишь, ты ведь начал с полуправд,
Как и все вокруг, боялся Бога....
Наконец-то! Каин, я был прав!
Просто ты замешкался немного.

Рождение теории

День был такой – не найдёте обычнее,
Дух разногласий по залу кружил.
Впрочем, для спорящих было привычкою
Всю свою жизнь, как в атаке, прожить.

В цепи сложнейшие формулы вымеив,
Мир для людей вырывая из мглы,
Спорили, спорили, спорили физики –
Просто иначе они не могли.

Их захватил этот поиск неистовый,
Камни основ обрекавший на слом.
Кто обходил очевидные истины,
Кто, по-обычному, шёл напролом.

Кто, обессиленный спорами, звонами,
Жадно дышал, отворивши окно.
В мире ещё оставалась гармония,
В зале её потеряли давно.

В зале гремели дуэли и вызовы,
Мысль увлекала в свои виражи.
Спорили, спорили, спорили физики,
Зная, что людям без них не прожить.

Кончили утром. Туманные дворики
Солнцу свои подставляли бока.
Этою ночью родилась Теория.
Люди о ней не знали пока.

Сентиментальное танго

Как быстро дни летят, и наступает час,
Когда спокойный путь нас манит за собой.
И беззаботно мы поём в последний раз,
И опьяняет нас пришедшая любовь.

Ещё будут у нас таять годы, как дым,
Будут ночи и дни, будет солнце и дождь.
А пока мы полны новым счастьем своим,
Что-то кончилось в нас, что-то в нас началось.
Эта странная грусть непременно пройдёт,
Будет ровною речь, будут зрелыми мысли,
Только памяти лист на себе унесёт
Наши чёрные дни, наши красные числа.

О, как спешили мы всё знать и всё уметь,
А наша юность вдруг закончилась незримо.
Ну, что ж, пришла пора чуть-чуть спокойней петь
И чаще вспоминать, что жизнь неповторима.

Тот же город вокруг, тот же снег за окном,
Те же лица друзей, ставших очень своими.
Только прежней дорогою мы не идём,
И любимые песни поются другими.
И мороз, и жара, и осенняя грязь
Нас с тобой опечалить не смогут нисколько.
Мы за общим столом соберемся не раз,
И искрящимся счастьем наполним бокалы.

Весенние напевы

Мне весенние напевы
Снова душу тормошат.
Ходят праздничные девы,
Замедляя рядом шаг.

Подойди, используй случай,
Уведи куда-нибудь.
А взамен немного – душу,
И ещё пустяк – судьбу.
(Да, совсем немного – душу,
И совсем пустяк – судьбу).

И слезой её не тронешь,
И премудрости не в счёт.
И уже не просишь – стонешь:
Обнимай меня ещё!

Обнимай меня покрепче,
Завладей до всех глубин.
Эх, побольше б вас бы, женщин,
Понимало б нас, мужчин.
(Ты одна из всех вас, женщин,
Понимаешь нас, мужчин).

Но, увы, проходят вёсны,
Днём кончается рассвет.
Кому рано, кому поздно,
А приходится трезветь.

Не печалься, сердце тратя,
Не закусывай губу.
Вспоминай, что сам когда-то
Подарил свою судьбу.
(Хоть не верь, но сам когда-то
Подарил свою судьбу).

Открылась дверь

Открылась дверь, и из-за окон
Ворвался к нам протяжный вздох.
И лиц коснулся холодок,
Весенний с улицы поток,
И запах юных тополей,
И громыханье разговоров.
И в тот же миг прервался голос
И чуткий трепет юных плеч.

Открылась дверь, и отрезвление
Сошло на нас из той двери.
И невозможно повторить
Опять летучее мгновенье.
Блеснула искра и прошла,
Глаза потухшие печальны.
По несвершившимся венчаньям
Звонят дверей колокола.

Открылась дверь. О, перст судьбы,
Неумолимый и бесстрастный!
Из двух путей, предельно разных,
Ты нам предписываешь: быть.
А сам, бесплотен, невесом,
Крадёшь у нас удачи наши.
Для этого так мало надо,
Смотри: открыли дверь, и – всё...

Беда

Бедой пришла любовь. В который раз уже.
Ну, как же я не остерёгся сразу?
И взгляды, и слова, как капельки о жечь,
Опять грохочут, заглушая разум.

Давно ли отошла последняя беда?
Хвала судьбе, что мы пока что живы.
Полезно иногда взглянуть на календарь
И остудить дурацкие позывы.

Да минует меня любовь, война и мир!
Да не настигнет жажда перемены!
Я просто убегу, запру себя домой,
Где, как известно, помогают стены.

Где можно заглушить все мысли о тебе,
Пересчитать, что роздал и растратил.
Но – зелень тополей, но – синева небес,
Но – ты, моя любовь, моё проклятье...

Когда нас всех прижмут

Когда нас всех прижмут, а день тот недалёк,
Закроют всё и цены вновь повысят,
Я думаю, тогда начнется новый взлёт
Технической и всякой прочей мысли.

Чего пытливый ум успел достичь уже
От прошлых половинчатых лишений,
Покажется тогда игрой для малышей
На фоне всех новейших достижений.

Тому же, кто решит замедлить общий ход,
Воздействуя законами и прессой,
Напомню, что никто не застрахован от
Победного движения прогресса.

И кто бы ни издал указ или декрет,
И сколько б нас ни жали, ни давили –
Когда нас всех прижмут...
Прижали б уж скорей –
Так хочется пожить при изобилии!

Встреча с интересным человеком

Он говорил, что бедность не порок,
Что в будущем для денег нету места,
И что ему так хочется порой
Раздать всё, что имеет, безвозмездно.
Что, как и все, он борется за мир,
Своё здоровье укрепляя бегом...
Шла встреча с интересными людьми,
И был он интересным человеком.

А мы внимали пламенным речам,
Глазами удивлёнными глядели,
Как он на все вопросы отвечал,
Нас заражая верою в идею,
Что всё богатство мира – ерунда,
Что ради денег пашет лишь бездельник,
Что счастье коллективного труда
Превыше благ, и, уж тем паче, денег.

Он говорил уверенно, легко.
Жаль, все враги попрятались куда-то.
Но самым главным, самым злым врагом,
По-видимому, он считал зарплату.
Ух, как по ней рубил он напрямик,
При этом путал: где – моё, что – наше.
Шла встреча с интересными людьми:
С директором чего-то-где-то-маша...

Монетный двор Екатеринбурга

Чёрной краскою покрашен
Этот чёрный механизм.
Никому давно не страшен
Вид почивших чугуни.
Эй, пацан в потёртых джинсах,
В закордонных письменах,
Помяни жестянкой джина
Сей музейный экспонат.

Здесь когда-то пламя билось,
Оглушал кузнечный гул...
Правда, жизнь тогда ценилась
Много меньше, чем чугун.
Здесь царям своё богатство
Двор монетный создавал,
Чтобы было в государстве
Чем платить, что воровать.

Сник огонь, ослабли воды,
Звон монет давно затих.
Не вернуть былые годы,
Дважды в реку не войти.
И проходят дни неспешно
Над гранитами реки...
Превратился ад крошечный
В место празднеств городских

Этот сквер не так уж скверно
Жил в иные времена,
Жил трудом своим и верой
До тебя и до меня.
И прапрадед, умирая
Под штыками, на костях
Создавал богатство края
Для тебя и для меня.

Август 2000г.

Час мужика

После первой волны озабоченных женщин,
После тяжести сумок в руках
Начинается время неспешных движений,
Начинается час мужика.

В этом мире все в очередь, всё по часам:
Есть час дворников, дважды час пик,
Час обеда, час волка, беды полчаса,
Но я думаю, ты понимаешь и сам,
Что отмечен всевышним и на небесах,
Лишь один он отмечен – мужик.

Презирая изъяны физических данных,
Он пронесит по миру себя –
Сразу следом за послеобеденной давкой
И задолго до часа собак.

В этом мире всё наспех, всё бьёт и бурлит,
Ускоряя размеренный шаг.
Но мужик – он спокоен и твёрд как гранит.
Суета не коснётся небритых ланит:
Он придёт, он увидит и он победит,
И продолжит свой путь неспеша.

Но под вечер, когда сумрак вязок и густ,
(Не считай, что он духом ослаб!),
В самом тесном, интимном, мужицком кругу
Он отлепит окурок с обветренных губ,
Ход вселенной чуть-чуть стопорнёт на бегу
И поднимет стаканы «За баб!»

Размышления на пороге осени

Пора забыть обиды и раздоры,
Заговорить царапины души,
И в дом войти, и в ночь раздёрнуть шторы,
И пусть себе минутная спешит.

Пора понять, что в этой грустной сути
Нет детских снов, где нам уж не летать,
Нет той любви, что нас так сильно крутит,
Чтобы потом баюкать и ласкать.

Последним утром умершего лета,
По жёлтым листьям, колющей росе
Давай пройдем границу тьмы и света,
Чтоб оказаться в светлой полосе!

Спокойнее всего на чердаке

Спокойнее всего на чердаке,
Где можно жить, не слыша бранных слов...
А я живу на узком пяточке
Меж острых полированных углов.
В моём доме опасен каждый шаг,
Весь в синяках, я жалок, я притих.
Чердачный житель сможет убежать,
Моё желанье проще: уползти.

Сосновый дед, мой старый враг,
Как принц, одет в блестящий лак,
И, вроде, нет надёжней лат, чем этот блеск.
Весь, как насмешка надо мной,
Поставлен здесь моей рукой,
И этот бой с самим собой похож на бред.

Опять углы впиваются в бока,
Но с каждым годом боли все слабей.
Я в эту роскошь прибыл с чердака –
Теперь я понимаю, что с небес.
Я сам собой на муку обречён,
В меня вошёл и стал привычным страх.
Я подпирал мучителей плечом,
Ладонями до блеска натирал.

Я их терпел так много дней –
Они теперь мне всех родней,
И даже тень моя вполне теперь крива.
Я отражаюсь в зеркалах,
Весь в углубленьях и углах,
Во мне пока ещё кругла лишь голова.

Я вновь учу привычные слова
И обретаю правильную речь.
Их смысл прямолинеен, угловат,
А мне упорно кажется – острой.
Я отутюжен, тщательно побрит,
Вас удостою разве что кивка,
И погасает медленно внутри
Презренный мною житель чердака.

Я свел наколки на руках –
Заставь молиться дурака! –
Среди паласов и зеркал совсем пигмей.
К обоям весь подобран в тон,
Пороков начисто лишён
И уважаем среди жён и их мужей.

Но если вдруг из сквозняков
Я слышу запах чердаков,
Я в сердце чувствую укол и чуть дышу.
Но эту слабость я давлю,
Весь как большой и четкий плюс,
И ослепляюсь светом люстр, и боль глушу.

Декабрь 1986г.

Белый снег да чёрный дым перемешивая,
Снова утро над страной встает.
Ах, погода, до чего переменчивая,
Ну, никак не угадаешь её!

Вот и прячешь всё весеннее, лучшее
В самых тайных закоулках души,
Потому что и в морозы трескучие
Без надежды на весну не прожить.

И поверил бы теплу долгожданному,
И наотмашь бы себя распахнул,
Только пальцы, что морозом изранены,
Не предчувствуют пока что весну.

И, обманные капли развенчивая,
Ночь все реки проморозит опять.
До чего же наша жизнь переменчивая,
Ну, никак не угадаешь тебя!

Слушаю Вас

Что-то зачастили ко мне нынче удачи.
То ли это возраст, то ли так, полоса.
Вот, не далее как вчера, выбран и назначен,
Сижу тут и начальствую, скоро уж два часа.

А прежний наш начальник был...
Ну, скажем так, не очень.
Он имел внушительную фигуру и бас.
И хоть был всегда он чем-то
сильно важным озабочен,
Но говорил входящему: «Слушаю Вас!»

Вот скажет: «Слушаю Вас!», и ты уже повержен.
За стеной этой тихо, хоть ты там заройсь.
А главное, абсолютно, исключительно вежлив:
Скажет: «Слушаю Вас» –
И слушает, хоть о чём говори.

И ведь знали же, что не слышит,
Что сидит и ждёт обеда,
Или конца работы, или ещё чего-нибудь.
Но, придя перед ясные очи его, робели,
И дыханье, что называется, спирало в зобу.
И теперь мне в этих стенах, на его месте –
Просто страшно,
Я от страха перезабыл все обычные слова
И первому же пришедшему ко мне
С какой-то там бумажкой
Вдруг, запнувшись, ляпнул:
«Э-э-э... Слушаю Вас!».

Министр в законе

Весьма полезно было б постараться,
Представить день, который так далёк,
Когда родилось городское братство
И был украден первый кошелёк.

Был этот факт отмечен очень знатно
На то, что оказалось в кошельке,
И обсуждён на не для всех понятном,
На чистом тарабарском языке.

Воры клялись на крови, на иконе
(сброд, темнота, не знавшая письма!)
И учредили титул «вор в законе»,
Ну, то есть, уважаемый весьма.

Был этот титул не превратно понят,
Он утверждал особые права.
И вор в законе, как и волк в законе,
Законов никаких не признавал.

Мораль знакома
И так проста:
Живой живому
Не брат – еда.
На общем фоне
Препон, помех –
Лишь вор в законе
Свободней всех.

Прошли века, и изменились нравы,
Сменилось всё: от мыслей до вещей.
Но в спорах, в схватках и поныне правы
Те, кто сильнее, бесстрастней и ловчей.

Воров секли, стреляли, рвали с корнем,
Но свято место не стоит пустым.
И те, кто беззакониями вскормлен,
Теперь уже не прячутся в кусты.

Им незачем скрываться от погони,
Ловить свой фарт, с опасностью шутить.
И грозный титул их – «министр в законе» –
Их от любых законов защитит.

Морями крови вытравлена жалость,
И властвовать приучена рука.
А как все неказисто начиналось:
С тьфу, с ерунды, с чужого кошелька!

Попробуй, тронь их
(какой там смех)!
Министр в законе –
Превыше всех.
Мораль знакома
И так проста:
Живой живому
Не брат – еда.

Февраль 1988г.

Баллада о раскрытой ладони

Ну, сотрите же мне что-нибудь позлее
В доверительно-душевном падеже.
Можно сразу же наотмашь, не жалея,
Напрямик, минуя тело, по душе.

Двух небитых стоит тот, кто был ухожен
Кулаками, но не сдался, не затих,
Так что бейте – и по коже, и под кожу,
Чтобы стоил я не меньше десяти.
Всё равно я не поверю в ваши ахи,
Вашим выдумкам и вымыслам любим.
Прочь свидетелей, не надо фотографий,
Я люблю её, и, кажется, любим.

Это – главное, всё остальное – бред.
На ходу и даже на бегу
Я её ладонь ловлю в ответ
И не верить просто не могу.

Всё, что вы мне скажете, не важно,
Я авансом всё прощаю ей.
Что за дело мне до тех, вчерашних,
В прошлое исчезнувших теней.
Пусть мне ливни пасквили листают,
Ветры шепчут, мучая меня,
К её платью пятна не пристанут,
Слухи след её не зачернят.
Я пред нею преклоню колени,
В грязь плащи – прошествуй без забот.
Нет в любви лазейки для сомнений,
Или это вовсе не любовь.

Это – главное, всё остальное – пыль.
В нас двоих горит один огонь.
Я навстречу ей ладонь раскрыл
И наткнулся на её ладонь.

Но – боюсь, однажды грянет буря.
Грянет неожиданно и вдруг:
Мы на миг всего лишь позабудем
О тепле прижатых наших рук.
Тихий шёпот в грохоте утонет.
На бегу и даже на лету
Я навстречу протяну ладони
И упрусь, как в стену, в пустоту.

Бег окончен, сказаны слова,
И умрёт, от боли не дыша,
Не успев дожить, дозреть,
Вроде бы бессмертная душа.
Я гоню все страхи до поры.
В нас двоих горит один огонь.
Я навстречу ей ладонь раскрыл
И наткнулся на её ладонь.

Это – главное, всё остальное – бред.
На ходу и даже на бегу
Я её ладонь ловлю в ответ
И не верить просто не могу.

Собака лает, ветер носит

Собака лает, ветер носит,
Собачья мается душа,
Она на всех сердита очень,
А все не слышат, все спешат.

Звенят трамваи, кот крадётся,
Машины грузные урчат,
Собаке мирно не живётся,
Она не может промолчать.

Она сама, конечно, знает,
Что надоела всем давно,
Но всё же лает, лает, лает,
Не видя выхода в ином.

Но вот – ненастная картина
Внезапным солнцем залита,
И заблестела паутина,
И прекратилась суета.

И в тишине вдруг замер город,
Вбирая хрупкое тепло...
Но дунул ветер вдоль заборов,
И всё по-прежнему пошло.

Собака лает, ветер носит,
Собаке всё не по душе,
И то, что дождь, и то, что осень,
И то, что холодно уже...

Домовой

Каждый день мимо утренних хат
На работу семья уходила.
Как легко и привычно им было
Этот утренний холод вдыхать.
Лишь один оставался в дому
Охранять это хрупкое диво,
Потому что семья уходила,
Поручив своё счастье ему.

Мог он видеть, как в утренний гвалт
Подкрадутся напасти и беды,
Он шутя отражал их набегу,
Он во имя любви колдовал.
Он не знал, что придёт ещё срок –
И из дома птенцы разлетятся,
Всё он мог – защищать и сражаться,
Только время замедлить не мог.

Триумф

Ну, вот, смотри, всего лишь шаг – и цели ты достиг,
Закончен труд, которым ты дышал так много дней,
Не окончательно устал и не совсем старик,
И близок, близок твой триумф,
 заслуженный вполне.

И толкало тебя сюда
Не богатство и не еда,
А желание сделать хоть что-нибудь на года.

И ты дошел, судьбой храним, удачею согрет,
На зависть тем, кто сплоховал на виражах крутых.
Хоть счастлив тот, кому дано достичь и умереть,
Но тем, кто выжил, тем сполна воздастся за труды.

За трескучих речей зуд,
За неправый людской суд,
За не сдержанную в миг отчаяния слезу.

Ты всё забудешь, как кошмар, приснившийся давно.
И будут парки нить судьбы старательно вершить,
И будет чистою постель и радостным вино,
И долгой,
 очень долгой,
 бесконечно долгой жизнь!

Шагнуть в небеса

Здесь те, кто завидовал птицам,
Кто видел летучие сны,
Те, кто не хотели смириться,
Что ползать они рождены.

Хоть травы вокруг, хоть сугробы,
Хоть пыль на ногах, хоть роса,
Сюда собираются, чтобы
Взлететь и шагнуть в небеса.

На поле простые законы:
В шесть двадцать – разгон облаков.
И, кстати, никто нас не гонит
В нутро самолета силком.

Вот страус, хоть птица, а всё же
Парить не сподобится сам!
Тебе повезло, что ты можешь
Взлететь и шагнуть в небеса.

Отсюда всё как-то мельчает:
Дороги, овраги, река,
Но каждый вполне понимает,
Вид сверху – не есть свысока.

Но вдаль горизонт отодвинут,
Где сходятся с небом леса,
И стоит, чтоб это увидеть,
Взлететь и шагнуть в небеса.

С перенедосыпу

С перенедосыпу
Лица – не то, чтобы хмуры,
Но сильно хотят кирпича.

С перенедосыпу
Бабы – не то, чтобы дуры,
Но лучше бы ей помолчать.

Не просить погладить её,
Говорить помедленнее,
Выбирать попроще слова
И не приставать.

С перенедосыпу
Где-то позабыл проездной –
И, конечно, контроль тут как тут.
С перенедосыпу
Станешь, как пенёк, тормозной,
И, пока смекнёшь – оттолкнут.

Стукнут в спину двери метро,
сбоку прилетит матерок,
Люди в синем будут ворчать,
Паспорт изучать.

С перенедосыпу
В каждой встречной бабе с мешком
Узнаёшь то мать, то сестру.
С перенедосыпу
Даже двести метров пешком –
Просто героический труд.

В двери сам к себе постучишь,
Вспомнишь, где ты спрятал ключи,
Только бы ремень расстегнуть,
Да скорей уснуть.

Колокол стучит по мозгам,
Вот «ночной колпак» на сто грамм,
Эх, ещё бы пива бадью...
баюшки-баю!

Мы принимаем всё, что получаем,
За медную монету, а потом —
Порою поздно — продку различаем
На ободке чеканно-золотом.

Все умирает на Земле и в Море,
Но человек суровей осуждён:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рождён.

Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живёт — наперекор всему, —
Как будто жить рассчитывает Вечность
И этот мир принадлежит ему.

Трава была ничья, лишь Господу подвластна,
А на него надежд, известно, никаких.
И потому на ней устраивали пляски,
Лежали пиджаки, топтались сапоги.

И потому её сжигали и съедали
Для радости своей и просто без причин.
И потому на ней валялись без печали,
Трава была ничья, и что нам до ничьих.

Жил человек ничей, свободен, не закован,
Жил – сам себе кумир и сам себе слуга,
Свободно сам себе придумывал законы
И сам их нарушал и сам себя ругал.

Он вырубал леса и собирал машины,
Прокладывал асфальт и парки создавал,
Жил человек – ничей, бесхозный, беззащитный,
А около него ничья росла трава.

А жил он на Земле, жил на ничьей планете,
Среди ручьев и птиц, деревьев и людей,
И не нашлось, увы, хоть одного на свете,
Чтоб перед всеми вслух назвать её своей.

Земля была ничья, а вглубь вгрызались корни,
Цепляясь об асфальт, визжали тормоза,
И грузный самолёт, рычавший беспокойно,
Толкался от неё и прыгал в небеса.

Земля была ничья...

Сергею Боханцеву посвящается (Апрель 2000г.)

Мой друг притягивал бичей, в грязи и рвани,
Ну, как магнит.
Мы шли по городу, курили, мылись в бане –
Кругом они!
Он сам-то был почти приличным гражданином,
Не бичевал,
Но вот, поди-ка ж, ты – бичей к себе манил он,
Притягивал.

Мы поначалу обсуждать пытались планы,
Их громадье,
Но за спиной какой-то хмырь, одетый странно,
Орал свое,
И смысла не было среди витиеватых
Его речей,
И понял я: ох, на Руси бичей богато,
Ой, там бичей!

Но постепенно приходило пониманье –
Я ж не был пьян –
Что уж поскольку так к себе бичей он манит,
То кто же я?
Хотя приличен по одежде и по роже,
Пристоен весь
И трезв почти что, не в пример другим, и всё же –
Сомненья есть...

И понял я: уж если дух интеллигентства
Вам изменил,
То не помогут ни дипломы, и ни гены,
Ни брат-министр.
Тебя задержают, затюкают, замают,
Окружат враз,
В пивной, в правительстве, в театре – нас немало,
Ох, много нас!

Советско-британский романс

(В соавторстве с Сергеем Боханцевым)

Пока вы дома очень крепко спите,
Естественно, представить сложно вам,
Какой Шарман сегодня на орбите – (*)
Не поддастся никаким словам.

Там два джентльмена ужинают с леди,
Своих не нарушая брачных уз.
Они пока (пока!) ещё соседи,
Но уж твердят: Прекрасен наш «Союз»! (**)

Джентльмены с леди – это так обычно,
Когда ничто не связывает их.
Но трое в лодке – очень непривычно,
Поскольку одна дама на двоих.

Что будет дальше - мы не знаем сами,
Любое предсказание - обман.
«Мир» без Шармана плох под небесами, (***)
Но и Шарман без «Мира» - не Шарман!

19 мая 1991
космодром "Байконур"

* Хелен Шарман – астронавтка

** «Союз» - космический корабль

*** «Мир» - орбитальная станция

О шепелявых

Шепелявость совсем не страшна,
Если только её не стесняться.
Вы, кто в юбках, и вы, кто в штанах,
Знайте – вам шепелявость к лицу!
Придаёт удивительный шарм,
Помогает в толпе выделяться...
Шепелявость, конечно, дефект,
Но уж лучше, чем шерсть на носу!

Ты напрасно гордишься, мой друг,
Своим правильным произношеньем:
Шепелявость – коварный недуг,
Метит только хороших людей.
Им не нужен ни яд, ни кинжал,
Ни стрельба по бегущим мишеням...
Вот представьте себе: до сих пор
Ещё не шепелявил злодей.

Если б был шепеляв президент,
Мы бы все бы ему подражали.
Не смущаясь, звучал бы везде
Этот мягкий шипящий язык,
Только я вас чуть-чуть огорчу,
Что такое случится едва ли,
Это нам не грозит, потому,
Что злодей...
Словом, нам – не грозит.

Как ни пялся, на взгляд ты с трудом
Различишь виноватых и правых,
Но едва открываются рты –
Сразу слышно, кто свой, кто чужой.
Но, уйдя от шаблонов и догм,
Мы своими считаем картавых,
И, наверное, даже простим
Тех, что вовсе дефектов лишён.

**Памяти Бессонова Саши –
однокурсника и стройотрядовца**

Карусельные дела –
Песня в хоре, танец в круге,
Всех куда-то разнесло
По семейным пологам.
Заходи, попой-попей,
Без тебя ведь так не будет,
Будет просто, как всегда –
Всем привычный балаган.

Где вы, старые друзья –
Любопытны, интересны,
Страх, как хочется всего,
Поздно что уже хотеть.
Как без ВАС? – без вас нельзя,
Так просторно, ах нет – ТЕСНО,
Наших редких-редких встреч,
По мощам и крови плетъ.

Снег

Снег чернеет, но только внизу –
Он в полёте блестящий и белый.
Вот, придумал призванье себе он –
Скрыть последствие наших безумств.

Всё, в чем явная наша вина:
Городов беспросветную копоть,
Пыль дорог, пепелища, окопы –
Он пытается спрятать от нас.

Как ребёнок, бесстрашен и щедр,
Он, смеясь, над планетою кружит,
Словно в нём воплощаются души
Не летавших при жизни существ.

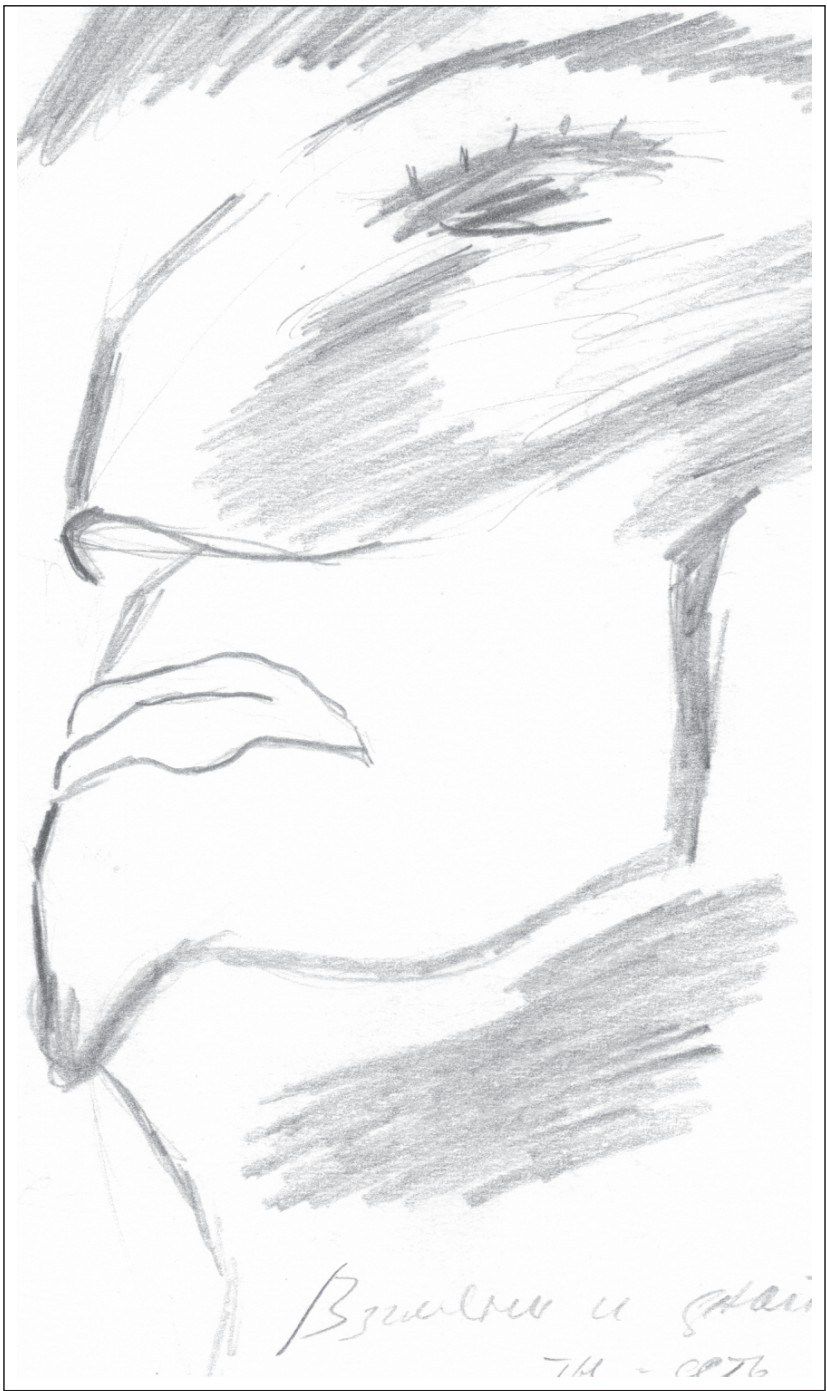
Но на суетной нашей земле
Не оценят его появленье
И наивное это стремленье –
Сделать мир хоть немного светлей.

Снег чернеет, но это потом –
Он, как мы, от рожденья – безгрешен.
Но утихнут метели – и где ж он,
Не запачканный грязью и злом?

Он в себя наши страхи вберёт,
Нашу зависть и горсть впитает,
И растает, всё это оставив
Нам...

и в землю бессильно уйдёт.

Варежка

Собака носит варежку в зубах.
Собака служит, ей без службы трудно,
Ей надо ощущать ежеминутно,
Что без неё хозяину – труба.

Собака – не безумна, не слаба,
Она не знает устали и лени,
Но выше всяких доводов и мнений –
Хозяйский запах с варежки в зубах.

Хозяин с ней работает всерьёз –
Любую фальшь собака слышит чутко.
Хозяин озабочен не на шутку
Тем, чтоб придумать дело для неё.

Он мудрый – не прикажет лечь костыми,
Вцепиться в горло, прыгнуть через пламя,
Натужно веселиться, как в рекламе...
Вот варежка – удобный компромисс.

Ужель я хуже всяческих собак,
Которых ты всегда погладить рада!
Как ни виляй хвостом, с тобою рядом
Мне дела не отыщется никак.

Я, помня одинокие часы,
Просить, нет, умолять смиренно буду:
Дай за тобою следовать повсюду!
Ну, вот, хотя бы – варежку носить

Очень китайская история

На очень китайском рынке
У очень китайской пани
Взял очень китайское средство
Из очень китайской страны.
На нём иероглиф «рыба»,
Похожий на таракана.
От сглаза, и от запоя,
И всякой другой.... неприятности.

Бумагу с рецептом дали,
Значками (пойми, попробуй):
Принять, мол, такую позу
На ихний китайский лад,
Изобразить руками
«ЦЕДЗИП» (это знак особый)...
Подробно перевела мне
Китайская эта пани.

«ЦЕДЗИП» мне изобразила –
Не очень приличный символ.
Людей бы хоть постеснялась...
Да, что с них возьмешь, с косых.
Едят там бамбук с капустой,
В кун-фе набирают силу,
А ихнюю медицину
Вообще уже ... фиг поймешь.

Я выполнил всё до слова!
И что получил в итоге?
За что я платил на рынке
Какие ни есть – рубли?
Я сам подзамёрз немного,
Да все тараканы сдохли.
Вот, бизнес! Вот, китайцы!
Опять-таки... обманули!

Январь 2001г.

Бывшему пирату

Пират... О, нет! Ты прежде был пират,
Теперь же ты – приличный горожанин.
Теперь ты ходишь в церковь по утрам,
Цветочки в палисаднике сажаешь.

На abordаж? Ну, что ж, пока ты крепок.
И не угас ещё пиратский пыл,
Но здоровей для рук и ног
Быть этим самым греком,
Который даже через реку ездил, а не плыл.

Давно забыл ты облик свой морской
И прежнюю свою привычку к джину.
Ты потребляешь тёртую морковь,
Компот из запотевшего кувшина.

Конечно, ром спасает от унынья
(его ты пил, бывало, до утра),
Но здоровей для печени
Быть кораблём пустыни,
Который даже воду видит в две недели раз.

Вращает флюгер свежий ветерок,
Но плед тебе приятно греет спину.
Ты закрываешь двери на замок,
И в непогоду вяжешь у камина.

Девятый вал ещё щекочет нервы,
А в бурю как-то даже веселей.
Но, всё-таки, сохранней быть
Милосскою Венерой,
Хотя и у неё, как говорят, не без проблем.

За внешним видом пристально следишь,
И пудришься, и изучаешь моду.
На мэрию задумчиво глядишь
И мягко улыбаешься народу.

Тебе мешают полные бока
И не совсем приличные манеры,
Но никогда ты не умрёшь, пока
Сверкают в кошельке твоём монеты.

Апрель 2000г.

Памяти Ю. Грибашева

Он учился не лучше, чем все мы,
Был не робок, но, впрочем, – не хам.
Сочиненье на вольные темы
Он ни разу не выдал в стихах.
Хоть и нет предсказаниям веры,
Но оракулы наши ему
Кто пророчил большую карьеру,
Ну, а кто, почему-то, тюрьму.

Это жизнь отфильтрует всю правду от лжи
(все мы задним числом поумней),
А тогда мы не знали, кто как будет жить –
Кто в чинах, кто в домах, кто в вине.

Он старался ни больше, ни меньше,
Был ни слаб, ни чрезмерно здоров.
Мы его признавали сильнейшим
Не за силу его кулаков.
А за то, что отходов не строил,
Шаг шагнул, и уже – не свернуть.
Нам казался дорогой в герои
Путь, который на деле – в тюрьму.

Это нынче все ясно, и каждый готов
Осудить всё, что мучило нас,
Хоть и сами дошли не до райских садов:
До чинов, до домов, до вина.

Он был лучше, а, может быть, просто честней:
Пел, что слышал, дышал, как хотел.
Жил наотмашь и впрок не откладывал дней,
И горел, и сгорал, и сгорел.

Кто-то ж должен сгорать! Нам они – не указ,
Нам сгореть на лету не дано.
Каждый выбрал уже и нашёл, что искал:
Кто чины, кто дома, кто вино.

Июнь 1987г.

Памяти Леонида Гришакова

На берега Таватуя
Вечер ложится лениво,
На берегах Таватуя
Тихо тоскует струна.
Светит луна золотая
Лампой, повешенной криво,
И на болотистом пляже
Плещет негромко волна.

Так иногда подступает
Тихая эта минута:
Сами собою итоги
Встанут в невидимый строй.
От опостылевших буден
Станет тоскливо кому-то,
И никуда неохота,
А уж тем боле – домой.

Счёт бесконечен потерям –
Кучно снаряды ложатся.
Не ощущает нехватки
В боеприпасах судьба.
Время всё смоет. Забудут
Тех, кто ушёл, домочадцы.
Как ни любили, а всё же
Память людская слаба.

12 марта 1999 год

Вера, Надежда, Любовь

Не беда, если осень приносит ветра,
Если в дом наш печаль зачастила.
Лишь бы мы не слабели с тобой от утрат,
И надежда бы в нас не остыла.

Не беда, коль зима заметает пути,
Оставляя предчувствовать старость.
Лишь бы верили мы в белый свет впереди,
Лишь бы в нас эта вера осталась.

Что нам холод и снег, мы дождёмся тепла.
Вот уж в окна весною пахнуло.
Лишь бы снова любовь мимо нас не прошла,
Лишь бы снова в наш дом заглянула.

Стройотряд «Глядены»
1968 год.

ПЕРЕДЕЛКИ И ПАРОДИИ

Здесь собраны серьёзные, не очень серьёзные и совсем не серьёзные творения Михаила Неволлина.

Миша был не только автором песен. В его исполнительском репертуаре – не одна сотня песен самых разных авторов, чьё творчество он хорошо знал и любил.

Зачастую чужие строки вдохновляли его сделать свой вариант – что-то оосовременить, чему-то придать другие смыслы и акценты, над чем-то посмеяться.

Так возникали его переделки и пародии – он долго катал зацепившую строчку «в зубах», напевал её с разной интонацией, ища в ней новые (иногда парадоксальные) смыслы, подбирая альтернативные продолжения, другие рифмы.

Причём – не взирая на авторитеты.

И, когда «срасталось», быстро записывал. Практически без правки, сразу набело.

Ночной дозор (новая версия песни А. Галича)

Город к ночи снимает лишнее.
Кто в подвале, кто в избытии,
Отпросили, что можно, нищие,
Отстреляли, что нужно, киллеры.
Но во тьме, словно в сердце токая, –
Как забыли мы это скоро! –
Что-то многотысяченного
Вновь проходит ночным дозором.

И бьют барабаны...
Бьют, бьют, бьют.

Прут волной их ряды безбрежные –
Столько лет никак не редуют!
И стоит во главе по-прежнему
Величайший из всех злодеев.
Он, оплаканный даже вдовами
Тех, кого он из жизни вычеркнул,
Вот он, в бронзу стоит закованный –
Монумент своему величию.

И бьют барабаны...
Бьют, бьют, бьют.

На каком пустыре истории
Сохранилось всё это воинство?
Так предсмертною жжёт истомою –
Не сказать, даже вспомнить боязно.
Им бы надо лежать на пустоши,
Осуждённым давно и проклятым,
Но, гляди-ка: как ночь опустится,
Жив курилка, и грозен обликом.

И бьют барабаны....
Бьют, бьют, бьют.

Сапоги его, трубка, оспинки –
Всем давно известные признаки.
Что ж тогда реально-то, господи,
Если это – всего лишь призраки!
Вот он сбросит свой профиль бронзовый,
Гипс оживший в ряды подтянется...
Утро Родины станет розовым,
Ночь уйдёт, а они останутся.

И будут бить барабаны....
Бить! Бить! Бить!

Философический канкан (новое прочтение песни Л. Семакова)

Если в ритме горького канкана
Присмотреться к сущности вещей –
Можно пить из грязного стакана
И не пить из принципа вообще.

Можно быть Сизифом: и при деле,
И впадать от трудностей в азарт.
Можно быть усталым от безделья
И лечить от пролежней свой зад.

Мы своим удачам очень рады,
Хоть и приравнять их тяжело:
Кто-то стал главой большого РАО,
Кто-то получил удобный лом.

Кто-то над стихом всю жизнь сидит,
Кто-то на печи лежит всю жизнь,
Можно потрясти весь мир идеей,
Можно на танцульке потрястись.

Смерти всё равно: тебя ли, ты ли,
Помер ты при званьях или без,
Но: кого зарежет собутыльник,
А кого доверят ФСБ.

Счёт вести находкам и утратам
Годы приучают нас легко:
Можно быть трусливым депутатом,
Можно быть бесстрашным босяком.

Впрочем, неудачи всем некстати,
Хоть и «только снится нам покой»:
Проще быть бесстрашным депутатом,
В норме быть трусливым босяком.

Декабрь 1998г.

Пародия на Евгения Клячкина

Не гляди назад, не гляди –
Так ведь можно шею свернуть.
За тобой Петровка следит,
Так что тайники позабудь.
Перепрячь подальше ключи,
Паспорт поменяй, поменяй,
Ну, а на допросах молчи –
Это ж для меня.

Мне-то всё равно, всё равно,
Я уговорю сам себя.
Щас бы прошвырнуться в кино,
Только не судьба...
Только ты не веришь в судьбу,
Так что просто выбрось ключи,
Перепрячь валюту в трубу,
А теперь молчи.

Новый фрак (по мотивам Беранже)

*«...Соблазнами большого света
Не увлекаться нету сил!
Откушать в качестве поэта
Меня вельможа пригласил...
И я, как все, увлекся тоже...
Ведь это честь, пойми, чудак:
Ты будешь во дворце вельможи!
Вот как!
Я буду во дворце вельможи!
И заказал я новый фрак...»*

Не вредно время этим строкам.
Хоть много лет прошло уже,
Но до сих пор ещё во многом
Права сатира Беранже.

Ведь льстит сознание, что возможен
И нам сей маленький пустяк.
И мы тогда идём к вельможе...
Вот как!
Да-да, и мы тогда идём к вельможе,
Надев при этом новый фрак.

Как только в силах эти речи
В нас гордость мелкую зажечь,
Мы надеваем фрак на плечи,
А он чернеет на душе.

К чему друзья? Ведь нам поможет
Больших чинов и лести мрак.
Глядь, вот уже и мы в вельможах.
Вот как!
Да, вот уже и мы в вельможах.
И, чтоб идти к нам, нужен фрак.

Увы, тщеславным блеском света
Пытался я увлечься сам.
Ведь в наших душах живо это,
Но нынче я признаюсь вам:

Мне независимость дороже,
Чем светской жизни блеск и мрак.
Я не пойду, друзья, к вельможе!
Вот так!
А кто пойдет, друзья, к вельможе —
Тому дарю свой новый фрак!

Пародия на Михаила Сипера

Экипаж одурел от парадов,
От зубрёжки уставов устал.
Все свои занимают места
И мечтают о новых наградах.

Командир Левинзон
На начальников зол
Из-за скучных учений на юге,
А радист Розенблюм
Ловит «Радио-плюс»,
Где транслируют «Песню о друге».

В люках нету свободного места,
Дремлет в бомбах уран – первый сорт.
Им не нужно ни зюйда, ни веста,
Их маршрут нынче – строго на норд.

Бортмеханик Леви, ослабев от любви,
Баб своих вспоминает устало,
А пилот Гольденштейн
О любви – нит ферштейн,
Разве что из военных уставов.

Контур цели растёт на экране,
Скорректирован точно прицел.
Им бы точно попасть в эпицентр –
И считай, что медали в кармане.

Бомбардир Цирковер,
Словно облако, сер,
Но наполнен мечтами о славе,
А пилот Менакер
Задремал в уголке,
И его мы в покое оставим.

Распухает у всех – аж по сих пор! –
От просторов отчизны родной,
И поэт-передвижник М. Сипер
Снова жопу рифмует с Москвой...

2000г.

Комариха

(ироническое подражание Роберту Бернсу)

Она проснулась из зимы
И, как снежинка, изо тьмы
Взлетела к свету.
И, вызывая в нас восторг,
Кружилась за витком виток –
Виденьем лета.

Её однообразный звук
В нас разбудил зачем-то вдруг
Такие страсти!
И комариха на руке
Была, как бабочка в цветке,
До слёз прекрасна.

О, наше летнее жильё!
Мы любовались на неё.
О, запах луга!
Сверкали росы поутру
И мы с тобой бежали друг
Навстречу другу.

Её обеденный покой
Хранили мы, и даже боль
Не замечали.
И нашу кровь она пила,
И беспрепятственно могла
Звенеть ночами.

Зачем ей было – не пойму –
Гулять по платью твоему?
Там, в складках где-то,
Она раздавлена была
И за собою унесла
Виденье лета.

Подражание (Б. Окуджаве)

Опять весна зажжет закаты,
Закружит и заморозит,
И отказаться вроде б надо,
А вот, попробуй, откажись.

Попробуй справиться с собою,
Когда она тебя зовет,
И лишь Любовь чего-то стоит,
А остальное - ничего.

Когда она не отступая
Призывно тянется к тебе,
Хотя сама, конечно, знает,
Что лучше все перетерпеть.

И что, конечно, к вам обоим
Еще заявится беда,
Но лишь любовь чего-то стоит,
А остальное - ерунда.

Вот стук в окно негромкий слышен,
Вот что-то ветер шепчет в дверь,
А это тает снег на крыше,
А это катится апрель.

Глазами клоуна (по мотивам Г.Бёлля)

Кто не распят, в пророки годится едва ли,
Но алеет восход
Над землёй, где под лязги и бряканье стали
Куролесит народ.
Где распятья на каждом углу.
Где хоронят не трупы, а золу.
Где молитвы добру - подношения злу.

Я по этой земле уходил от погони,
От завистливых глаз,
Я свою нищету в обветшалом вагоне
Выставлял напоказ.
А потом медяки прижимал,
Думал: вот дураки, кто подал.
И в окно их украдкой кидал.

Но настал этот день - надоело от боя
Уходить.
Двух смертей, чёрт возьми, не случится со мною,
Быть - так быть!
Не хочу больше руки по швам,
Я не раб вашим пресным богам,
И задаром себя не отдам.

Подражание Высоцкому

Боль души объясняли погодой,
А погода была ни при чём,
Просто вдруг потеплело, и кто-то
В непохожести был уличён.

Жил как все, стал иным,
Шла весна, снег был грязен,
И гремели над ним
Порученья в приказе,
Уточнялась вина,
Шёл отбор выражений,
Жаль, прошли времена
Лагерьей и сожжений.

А потом пересохли дороги,
Поднималась трава неспеша.
Но всё так же трубили тревоги,
И всё так же болела душа.

Лилась плавная речь,
Оглашая решенья,
Чтоб по плечи отсечь
Слишком длинные шеи,
Было множество ям
Для строптивых нарыто,
Кто в привычные нам
Не входил габариты,
И советов чужих,
Чтоб пригнуться, не слушал...
Продолжается жизнь,
И болят ещё души.

Из рукописей...

Ну, что тебе надо от мира сего?
Ну, что ты колдуешь и манишь?
Ведь это не выдержать ни для кого,
Взглядов твоих, понимаешь?

Что в комнате этой, то не для двоих.
Я здесь и один не скучаю.
Уйди, я прошу, и не нужно твоих
Мне вовсе ни слов, ни молчанья.

Я прежде пьянел от уюта, тепла,
Я в них погружался, как в кресло.
Ну, пусть ты мне снилась - сейчас ты пришла,
И в доме моём стало тесно.

Уйди от меня! Понимаешь ли ты,
Зачем я с тобою столь грубый?
Ну, вот ты пришла - и исчезли мечты,
Везде твои руки и губы.

Я всё, что моё, не отдам на двоих,
Ведь здесь и один не скучал я!
Уйди, я прошу! И не надо твоих
Мне вовсе ни слов, ни молчанья.

Я не пришел...
Впервые, может.
Так просто. Взял и не пошёл,
Лениво спрятался за ложью.

Что занят был, что то да сё...
Да засиделся слишком поздно.
Мол, заучился. Ты ждала,
Когда я кончу, только возраст
В твоих глазах блестел как лак.

И я тебе так сильно верил,
Как верят только чудесам,
Хоть знал - к тебе закрылись двери.
И я их сам захлопнул, сам.

И я вдруг понял, как жестока
Обмана первого печать.
А ты смеялась. Смейся, только
Не надо лгать, не надо лгать...

Картина

Вы не поняли сути - всё в картине «не так»,
И она состоит из предметов «не очень».
Не в цветах разноцветных её красота
И не в том, что на ней есть красивая осень.

Вот старик. Я когда-то с ним жил через дом.
С ним, бывало, вдвоём проводили мы лето.
Он смешной, очень добрый, всегда под хмельком,
С каждой ярмарки он привозил мне конфеты.

Как он пристально смотрит на море цветов,
И впервые в лице его трезвая мина.
Ну, так что ж его держит в тревоге, и что
Мог увидеть он там, вне пределов картины?

Он увидел там женщину - вот в чём секрет.
Перед нею - ничто даже осени краски.
Она всюду: вокруг, в глубине, вдалеке.
Я её не писал, она слишком прекрасна.

А! Да что толковать о подобных вещах.
Посмотрите на небо, исходите восторгом.
Там царит красота, там начало начал,
Там не кончится детство, там ни денег, ни торгов...

Мне страшно

Мне страшно дома без тебя,
Ведь здесь мы чаще вместе,
Мне страшно думать без тебя,
Рождая злые вести.

Мне страшно есть и страшно пить,
Тебе не наливая.
Мне страшно дома говорить:
Квартира - не живая.

Мне очень страшно без тебя,
Что не хватает мочи.
Вот так, однажды полюбя,
Мне страшно, страшно очень.

В лужах осенние плавают листья,
Солнце роняет скупое тепло,
Буквы на стенах - где стёрлись, где слиплись,
А ведь не так уж и много прошло.

Водная пыль над фронтонами кружит,
Холодом тянет от бурной воды.
Здесь вот когда-то я понял, как нужен
Дом, укрывающий нас от беды.

Убраны камни, газоны в порядке -
Там, где когда-то, пугая родных,
Шеей рискуя, играли мы в прятки
Между развалин цехов крепостных.

Белым покрашены старые стены,
В наших домах не укрыться от бед.
Обереги нас от лжи и измены,
Дальнего детства невидимый свет!

Сытое зло наш огонь остудило,
Души укутала льстивая речь,
Родина, Родина, дай же мне силы,
Чтобы свой дом от беды уберечь.

Август 1986г.
К слайд-фильму «Старые дома»

Я не любил свой бывший старый дом.
 Теперь я знаю: был он неудобным,
 И в комнате, когда мороз был добрым,
 В углу порой блестело мутным льдом.

Отец писал про тот замерзший угол,
 Водил чинов, по стенам бил рукой.
 А быт наш был такой не городской:
 Сарай, вёдра, коромысло, уголь...

Был весь район таким же: старым в прах,
 А ведь всего квартал от горсовета.
 Паслась корова на газоне летом
 И куры копошились во дворах.

Всё было плохо, неудобно в нём.
 А мы давно живём комфортной жизнью,
 Но Родина моя, моя Отчизна -
 Тот старый, нелюбимый нами дом.

Ну, кажется, вот только и забот,
 Что старые домишки и сарай,
 Но дочь моя (вот время!) подрастает,
 И что она Отчизной назовёт?

Ругать дома стандартные уже
 Разит занудством, только скажет кто мне,
 О чём она потом с любовью вспомнит
 Здесь, на четвёртом нашем этаже?

К слайд-фильму «Старые дома»

С бабушкой Машей и дедушкой Яшей.
Поселок Монетный, 1954г.

Весь день сегодня я с другой
Сидел, болтал, язвил слегка.
Смирялась под моей рукой
Её чуть теплая рука.

И дождь стучал то здесь, то там,
Вертелся ветер, листья гнал.
Она была совсем не та...
Как та, которую я ждал.

Только приходит на память
Улицы вымывший дождик,
Ночи безумное пламя,
Страстные губы - и всё же,
Утренних страхов томленье,
Лиц непонятных круженье,
Так друг на друга похожих.
Горечь на сердце - и всё же...

Ты будешь жить, как гордый бог,
Один между людских тревог.
Ты будешь силу знать и ум,
Ты будешь прям, порой угрюм.

Ты позабудешь стыд и лесть,
Ты заимеешь власть, но мест
В душе для счастья не найдёшь
И к страшной старости придёшь.

Люде Гилёвой

Он был жарок - она холодна,
Он был пламень, она - вода,
Он её вскипятил до дна,
Только сам погас без следа.
Я любви твоей так желал,
Только ласки хотел, любя, -
Ты ушла от меня, ушла,
Я устал. Я забыл тебя.

1965г.

Есть такие девочки,
Есть такие мальчики -
Голубые ленточки,
Розовые пальчики.
С ранцами, портфелями...
И для них, наверное,
Так весной от осени
В первый раз повеяло!
Солнце златоглазое
С черной крыши прыгнуло
Прямо к ним за пазуху
Лучиками - иглами.

Самые старые грёзы,
Самые страшные сказки,
Крупные девичьи слёзы,
Страстные женские ласки,
Чёрные платья Мадонны,
Страх перед холодом взгляда,
Лики святых обречённых,
В муках пришедшая радость...

Солнце жмурится, солнце хмурится,
И глядит на проулок пустой
А на улицах, а на улицах,
В на улицах пахнет весной.

Ты, курносая и серьёзная,
Смотришь ласково у окна,
Ты, курносая, улыбнулась мне,
А по улицам бродит весна.

Я в глаза твои, очень грустные,
Как в бесценный шедевр гляжу,
Но по улицам в ночи мутные
Не с тобой, а с весной хожу.

Мне по улицам, милым улицам
одному ходить нету сил.
Я не улицу, ох, не улицу,
Я тебя, как весну, полюбил.

В. Митюшев
М. Неволин
1965г.

Бард-Гостиняя Бориса Фельдмана
ДК Свердлова
Февраль, 2004 год

Н. Бетеньковой

День прошел тихой скукою, весь сырой,
Воздух чистый и ласковый над землёй.
Скоро солнце закатится за холмы,
И опять ты появишься изо тьмы.
В окнах синие сумерки лягут вновь
Силуэтным рисунком крыш домов.
Полутёмная улица, фонари
Тускло светят и щурятся до зари.
Каблучки мирно цокают в тишине,
Твои белые локоны - словно снег.
Ночь дома зябко кутает темнотою.
Я люблю! Я люблю тебя как никто!

Ты приедешь - изменится многое.
Станут серыми дни и мглистыми,
Город спрячет лицо своё строгое
Под цветными опавшими листьями.
Скоро осень! По мокрым улицам
Станут грустно звенеть трамваи,
Будет дождик, грустная умница,
Тебя стуком своим успокаивать.

1966г.

Н. Бетеньковой

А я скажу тебе слова,
Простые, как и ты сама.
Их не коснутся стыд и лесть,
В них будешь ты, какая есть:
Глаза с манящим в них огнём,
Титанов власть, грехи святых -
В них будешь ты, и только ты.

Но не поверь моим словам,
Не смог бы я найти их сам.
Я их украл из уст чужих,
Не для тебя хранил я их,
Тебе отдам...

Вспоминай меня в трудный момент,
Когда мир тебе станет врагом,
Когда сдавит сомненьями день
И холодным покажется дом,
Когда станет твой путь слишком крут,
Когда больно насмешки кольнут,
Отвернутся друзья, не поняв,
Когда трудно - ты вспомни меня.
Если ляжет на плечи беда,
позови, и приду я опять...

Дай-то бог, чтоб тебе никогда
Не пришлось бы меня вспоминать.

1966г.

Снег - в мае! Снег - в мае!
Глаза залепляет!
Освищенный ветром -
Холодным, рассветным -
Повсюду летает
Снег... В мае!

Снежинки большие, сухие-сухие,
Окрашено небо белилами снега.
До полдня с рассвета всё скрыто метелью,
Тяжёлые ветки ложатся на землю.

Прохожие зябнут, под снегом шагая,
Сегодня всё странно, сегодня снег. В мае!

А простая девчонка Алла
Быть такою, как ты, мечтала.
Я краснел: «Люблю тебя, Алла!»
«Фу - сказала она, - как скушно.
Я ведь знаю, что тебе нужно».
Нет, простая девчонка Алла
Ничего обо мне не знала.

Был долгим день, как взгляд врага,
Холодным, как твоя рука.
Деревья, хмурые с утра,
Листву свою склонили вниз,
Закат над крышами повис
ленивый - и исчез потом,
И темнота сползла на дом,
И меж домами, всё слепя,
И на меня, и на тебя...

Что же грустно так, словно с рассветом
От нас навсегда уйдёт лето.
Вот шелест листьев - то весёлый, то жалостный:
Город насвистывает песни августа.
А я смотрю и слушаю за улицей улицу -
Ночами под стужею дома сутулятся,
И низко над городом - бабье лето позднее,
Вступительным аккордом симфонии осени.

Из дали, из жгучей полуденной сини,
В сухие пустыни из древних преданий
Идут караваны, звенят бубенцами.

Куда-то шагают, спешат, как и раньше,
Сидит караванщик, как кукла живая...
Их песен печальных давно я не знаю.
В них было прощенье, в них было прощанье
С оставленным краем.
Идут караваны, вдали исчезают...

Но домик мой тёмный в оазисе тесном
Обходят упорно - без криков, без песен.
Все в сговоре тайном, ни взгляда, ни слова.
Всё вымерло словно!... И так месяцами.
Идут караваны, звенят бубенцами...

Лежать в степи и видеть звёзды
Кому-то рано, кому-то поздно,
Кому-то просто не нужно это:
Лежать в степи под звёздным светом.

А я хотел бы покинуть город -
Дымы заводов и крики споров,
Уйти куда-нибудь, чтобы просто
Лежать в степи и смотреть на звёзды.

1966г.

Неровным, тёмным был закат,
Последний луч ещё не гас,
А на холме внизу, молясь,
Бессильно пламя пало ниц;
И в жуткой, страшной тишине
Тоску об уходящем дне
Какой-то идол без глазниц
Лениво слушал и молчал.

День уходил, день угасал,
И небосвод багровым стал,
И пламя пело скорбный гимн
Всё громче... Вдруг - рождённый им,
Взметнулся крик, и в звуке том,
Исчезло солнце за холмом.

На газон чуть зелёный
Тихо капает с клёна.
Часто капает? - Редко,
Да качаются ветки,
И в глазах твоих встали,
Как холодные льдинки,
Две солёные капли -
Две большие дождевики.

Дождик шепчет устало
Про былую обильность.
Почему ты устала,
А я всё ещё сильный?
Или, может, не сильный?
Дождик капает синий...

1966г.

Машины город тяготил,
Он тесен был для них и мал.
В тот день я зря тебе звонил,
Зря твоего ответа ждал.

Потом качал меня трамвай,
Смеялась девушка в окне,
Транзистор вновь пищал слова:
«Да будет мир!» и «Нет войне!»

А парень думал не о том,
Своих друзей смеша до слёз...
Дрожали рельсы под мостом,
Шёл поезд там...
... и рельсы вёз!

1966г.

Дутовой Галине

Не умею я жить,
Не умею я ждать.
Научи: как любить,
Научи презирать.
Научи: как ходить,
Как смотреть, как встречать,
Научи меня жить,
Отучи всё прощать.

1966г.

Удар! - и вздрогнул лес,
И гром упал на развороченные ели.
С обрыва пыль и дождь холодный
На сосны кинул дикий ветер.
Ни звёзд, ни неба! Только с громом
Катились вниз с обрыва камни.
Земля дрожала под ногами,
Беззвучно молнии клинками
Пронзали тьму, и дождь, и ветер,
И гром ревел.. Но что же это!?

Там кто-то на краю обрыва
Стоял, поднявши руки к небу,
И вверх кричал навстречу бликам,
Но ветер рвал слова на части,
А он являлся в свете молний,
И тут же на него бросались
Все силы бури: гром и ветер,
И тьма глотала человека...
Надолго ль? Нет!!

Мой город стал не в меру молчалив,
Я ж за двоих кричал по площадям.
Я богом был и сумрачным домам,
И голубям под крышами у них.

Я в клочья рвал их томность и покой,
И чей-то бьют меня презреньем жёг,
И кто-то своей бронзовой рукой
Как будто мне указывал: «Вон - бог...»

А я на них... Я знать не знал их снов,
Их обиталищ, тесных, как мой дом.
Для памятников, улиц и домов
Я был и злом, и страхом, и добром.

Я забывал все «как» и «почему»,
И вдруг умолк, усталый и смешной.
Рассвет вставал и светом пачкал тьму,
И нужно было вновь идти домой.

Когда человек слабеет,
Приходят утраты сразу
Огромною вереницей
Без дат, без начал, но с болью.
Становятся ощутимыми беды,
Как капельки сгустившегося тумана,
И падают на плечи покрывала
Из сумерек и воспоминаний.

Когда человек слабеет,
Он вдруг узнает, что может
Мучительной быть догадка;
Один на один с собою
Он думает о жёсткости мира
Под маской с оскалившейся улыбкой,
И хочет сдавить руками время
И тем оборотить своё создание.

Когда человек слабеет,
Как мало он похож на человека!
А всё потому, что она сказала:
«Не приходи!»

1967г.

Я спешу, как всегда, и доволен судьбой.
Пусть бушует гроза над тобой, надо мной,
Даже битва, пускай, ждёт меня на пути -
Я не в силах уйти.
Слишком много отдал я дороге такой,
Трудно - что ж, не беда, я доволен судьбой.

Иль не стоит так жить?
Я устану спешить,
И не стану просить,
Ты не сможешь простить,
И не выйдешь встречать,
И не станешь прощать...
Или кто-то другой...

Нет! Ты будешь со мной,
Пока время бежит,
Пока стоит нам жить,
И бушует гроза,
Ослепляя глаза.

1966г.

Любе

Висят дожди...

Висят, чего-то ждут,
А люди озабоченно снуют,
Не поднимая свой усталый взгляд
На облака, а там дожди висят...

И дышит город ветром и листвою,
И бой курантов ловит над собой,
Гудки, звонки и шорохи машин,
А между делом осень не спешит...

И только в лицах строгость, как зима;
Но, зная, хотят свести меня с ума
Осенних женщин алые плащи...
Дожди висят над городом, дожди...

1967г.

Не верю синему небу,
Не верю тихому морю,
Не верю талому снегу,
Не верю в конечность горя,
Не верю в чистую совесть,
Не верю в скучную повесть,
Не верю в строгие нравы.
То, что не бывает странным,
Мне меньше всего понятно.
Не верю свободным странам,
Не верю мирным солдатам.

1967г.

Н. Бетенковой

Мелькает жизнь...

По городу
Шагают парни бодрые,
Шагают парни бравые,
Во всём, как будто, правые.
И всех их ждут, наверное,
Девчонки лицемерные.
В них тоже всё по правилам,
Всё понято, всё правильно.

Ты, отовсюду ладная,
Идёшь, до жизни жадная,
Стремленьями измучена,
Мечтать в стихах научена...
А я стою и слушаю;
Дожди бегут над лужами,
И дни бегут, невидимы,
Огни бегут...

Завидую!

Тебе, ушедшей запросто...
Нет, не хочу я радостей
Обычных и обыденных,
А мне б таких, невиданных!
Мне б также неожиданно
Исчезнуть вдруг, уйти совсем...
Шагают люди, кто за чем,
А я стою и слушаю:
Чужое счастье лучше ведь...

1967г.

Поедем, дружище, пора нам встряхнуться немного,
От скуки лекарства верней не найти, чем дорога.
Поедем, довольно лежать на боку,
Забудь про своё «не хочу - не могу»,
Вот только попьём напоследок чайку и поедем.

Пусть будут вдогонку рыдать безутешные девы,
Такое оно, не простое - мужицкое дело.
Сбежим от семейных натруженных пут,
Утешим любимых - и сразу же в путь,
Накажем им крепко, пусть верят и ждут, и поедем.

Такси подкуём или лошадь бензином наполним,
Друзей адреса, и далёких и близких, припомним.
Любые дороги нас к ним приведут,
Я верю, они нас давно уже ждут,
Сейчас в электричке пары разведут, и поедем.

Вот с этим когда-то, бывало, чайком баловались,
Вот с этим дружили, а с этим немного ругались,
И слушали этих, разинувши рот,
И ахали: здорово парень поёт.
Ну, словом, давай, покупай самолёт - и поедем.

По дороге домой

По дороге домой - теснота проходных,
Гул прощаний, шаги в коридорах.
И, кружась, затихают обрывки дневных,
Незаконченных будничных споров.

Я ещё тороплюсь, но уже в суете
Выбираю спокойное место,
Чтобы всё, что меня волновало весь день,
Позабыть перед самым подъездом.

По дороге домой остывает во мне
Клокотанье дневных объяснений.
Зажигаются окна домов, и на снег
Тёмно-серые тянутся тени.

И тяжёлый автобус пыхтит, накренясь,
По знакомым кварталам кружится.
И лицо твоё медленно входит в меня,
Заслоняя все прочие лица.

По дороге домой, по дороге домой,
Каждодневной, поспешной, обычной,
Слышишь вдруг, как пульсирует время само,
И размеренно и безразлично.

И тогда возникает в груди холодок
Оттого, что весь мир наш не вечен.
Оттого, что обыденных этих дорог
С каждым днём всё становится меньше.

Февраль 1988г.

Предупреждение

Ах, как легко урчит мотор машины,
Летящей, всё сметая на пути.
Мы молоды, а это значит - живы,
Пока ж мы живы, нас не укротить.

Как бестолково, весело и громко
Мы держим путь,
А если что-нибудь -
Нас вытащат потом из-под обломков.

Когда мы любим, кто нам в чём указ.
В колоде дней перемешались масти,
И вот её прекрасная рука дрожит,
Да ещё как дрожит от страсти.

Нетвёрдо, спотыкаясь, как в потёмках,
Мы дышим в такт,
А если что не так,
Нас вытащат потом из-под обломков.

Ах, как прекрасен мир во всех пределах!
Все всем довольны, все во всём правы.
Сжигаем дни, кто - ярко, кто - увы,
Кто в преньях, кто в азарте, кто без дела,
И веселы пиры, и речи громки.

Но в тот последний миг -
Ну, некому, пойми,
Нас вытащить потом из-под обломков.

Июнь 1987

Вся страна стремится

Вся страна устремилась куда-то.
Шаг всё чаще, дыханье шумней.
И всё громче и громче дебаты
Про ошибочность прожитых дней.

Зря-де слишком уж кланялись чину,
Зря-де лидерам верил народ.
Скажут, выдохнут, плюнут за спину,
И опять без оглядки - вперёд.

Громоздя за ошибкой ошибку
И лаская вождей похвалой,
Словно семьдесят лет не прожито,
Словно десять веков не прошло.

Что ж искать нам, какого ответа?
И куда, задыхаясь, шагать?
Убегать от безумного века -
Разве ж были иные века?

И смотрю я с сомнением знакомым,
Как восторгами пышет иной:
Дух свободы, веками искомый,
Правда ль это, царит над страной?

Апрель 1988
К конкурсу в Перми

Сказка о чудаковатом генерале

Фельдмаршал - он был гордым и седым.
Не замечая возраста как будто,
Он равно, и по праздникам, и в будни
Носил свои награды на груди.

Фельдмаршал - он был гордым стариком.
Но все мы люди, даже генералы,
И он любил побаловать, бывало,
Холодным, горло щиплющим, пивком.

Подтянутый, живой не по летам,
Он шёл к ларьку походкою упругой
И там, презрев все званья и заслуги,
Пристраивался в очередь с хвоста.

И затихал развязный разговор,
И шёпотом произносились даты
Сражений, что он выиграл когда-то,
И освящённых именем его.

И впрямь, ему лишь стоило посметь, -
Они бы расступились, им не жалко,
И те, кого он защищал, сражаясь,
И те, кого он посылал на смерть.

Но он был горд, фельдмаршал, от того,
Что, не беря в расчёт чины и раны,
Его с собою почитали равным
Солдаты и сограждане его.

Октябрь 1987г.

На каждое ваше сомненье
Мы твёрдость покажем свою
И наших позиций не сменим,
Ответим уверенностью.

Уверенность - вот наша сила,
Вот наш бастион, вот наш щит.
Что-что, а буланных от синих
Уж как-нибудь мы различим.

Бессмысленны ваши потуги,
Никчемны пустые труды:
Своё мы отстаивать будем
И верх одержать не дадим.

Без всяких оптических штучек,
Лишь опытным взглядом своим,
Мы всё разглядим, и изучим,
И точную цену дадим.

И главный аргумент применим -
Нам хитрости чужды с тобой,
На каждое ваше сомненье
Мы дружно ответим:
- Не бойсь!

Октябрь 1987г.

Я - кот Василий, скромный парень
И урожая верный страж.
Я много лет уже в амбаре
Всем грызунам внушаю страх.

Я беспощадно и бессменно
И день и ночь грожу мышам,
Чтоб эти воры не посмели
Таскать хозяйский урожай.

Однако мне их жаль порою,
Уж очень вид их слаб и худ,
Их мучит голод под землёю,
А я гоняю наверху.

И согласитесь, что, конечно,
Права мышей - не просто звук.
Ловить мышей - безмышевечно
И без мышей мы - как без рук.

Экологическую нишу
Заполнит жуткое зверье!
А тут, смотрите, просто мыши,
Свои, а значит - не жульё.

А с ними (что ж, скрывать не стану)
Есть договор уже давно:
Они - из погреба сметану,
А я им, стало быть, - зерно.

А, кстати, я тут днём и ночью
Стою в три смены на посту,
И мне обидно, даже очень,
Что я по службе не расту.

За долгий труд мой непосильный
Вы мне, заслуженно весьма,
Присвойте званье «кот Базилио»,
А лучше сразу «Лев Васьман»

«Я нравлюсь тебе? Скажи...
Хоть малость...»
Но ты лишь молчала и улыбалась.
Я тот же вопрос задавал сначала,
А ты улыбалась и молчала.
Я хмуρο накинул пальто на плечи
И вышел в холодный осенний вечер...

1965г.

Отчужденье городское,
Рай в приглушенных тонах.
Заколдованной чертою
Разделяет нас стена.

Ты за этою твердыней,
Только в сумраке твоём,
Сохраняешь, как святыню,
Отчуждение своё.

Что за карета, ну и драндулет!
Скрежет ужасный, да и не лучше вид.
Весь, поди, город сбежался посмотреть,
Что так нахально по улицам скрипит.

Старая сбруя, сломан даже кнут.
Кучер на это и ухом не ведёт.
Лошадь в канаву всё норовит свернуть
И в знак протеста нецензурно ржёт.

«Эй! на карете! В колесе-то то ось!»
Вслед им мальчишки кричали, хохоча.
«Дядя, откуда красавицу увёз?»
«Вот так красotka - две сажени в плечах!»

«Кто это, Ванька?» - «Да что-то не пойму.
Слышь, даже гомон на ярмарке утих.»
«Дядя, не жирно ль тебе-то одному?»
«Этакой хватит, пожалуй, на троих.»

Невозмутимо, хоть колеса все трещат,
И оставляя неровные следы,
Всеми крепленьями громко скрежеща,
Едет карета, и мы в ней сидим.

Катит по миру скрипучий драндулет.
(Как этот скрип седокам не надоест!)
Тащатся гордо седьмой десяток лет,
Видом смеша и пугая всех окрест.

Борьба умов, война, любовь, стихи...
Как контрдовод этой чепухе -
Живёт в трухе червяк, и счастлив тем,
Что до сих пор не вынут из трухи.

Пока иные мечутся, орут,
Он в темноте живет свой длинный век,
Ведь если слишком вылезти на свет,
Тебя раздавят или же склюют.

А те, судьбой сражённы своей,
Моловшие когда-то чепуху,
Те тоже погружаются в труху
На радость поколениям червей.

Но я - на сцене. Бодр и не сражён
Усталостью, запретом и свинцом,
С доступным для оружия лицом,
Лазеек к отступлению лишён.

Иду на вы! Противник мой, дрожи!
Пусть ты в труху зарылся глубоко,
Я доберусь до всех твоих замков,
И будет бой за будущую жизнь.

Лень под яблоней

Лежать, лежать, лежать под яблоней пузатой
И слушать яблоч падаящих звуки,
Все мускулы расслабить до предела
И упиваться ленью и покоем.
А яблоки, а яблоки, а яблоки
Пускай слетают вниз - поближе, подступней
Для глаз, для обонянья моего.
Пусть дразнятся прозрачной кожурою.

Тогда, когда желанье лень преодолет
(Когда-нибудь случится и такое),
Сгоню пчелу, а, впрочем, не сгоню,
Пусть без помех труды свои творит.
И может быть, и может быть, и может
Пошевелю изнеженной рукою,
И выберу, нет, то возьму, что ближе,
К брожению готовое внутри.

Возьму его, возьму его, быть может,
И наконец-то вкус его познаю,
И утолю накопленную жажду,
Пахучую нарушив кожуру.
И воспарю, и воспарю, и вдруг смогу
Владыкой мира ощутить себя я.
Но руки от усталости ослабнут,
И я в истоме сладостной замру.
И, может, хоть тогда-то успокоюсь
От бездны пережитого величья,
Отброшу и забуду все желанья,
Все, кроме одного: лежать, лежать, лежать.

Посвящается книге «Рациональное питание туриста»

На привале

В небольшую двухэтажную палатку
Кину свой анатомический рюкзак,
И раскину в ней шезлонг, и там прилягу
Полчаса передохнуть, закрыв глаза.

Тёплым пледом свои ноги чуть прикрою
И, пока котлы вскипают над костром,
Приготовлю небольшой и очень скромный
Бутерброд с простою чёрною икрой.

Бутерброд - такое, братец мой, искусство,
Овладеть им - это словно жизнь прожить.
Мало кто умеет сделать, чтобы вкусно,
И при этом - чтобы не переборщить.

Сотворить его, чтоб в нём всего хватало,
Хлеб - чтоб тоненький, как листик на столе,
Масла тоже надо очень - очень мало,
Но икру зато особо не жалеть.

Я под это, я сказал бы, объеденье
Поразмыслю о превратностях дорог.
Мол, иначе мог бы жить, да мало денег,
Весь к получке задолжаешься порой.

А за ужином припомню, как бывало:
Что я ел, да с кем я пил, крутил любовь.
А потом уже наемся до отвала
Трюфелями из французских погребов.

Июнь 1987г.

Фестивальные встречи

Всего-то шесть автобусных часов -
Подумаешь, неведомая даль,
А по пути насмотришься красот
Таких, что, в общем, времени не жаль.

Дорога незаметно пролетит
(привет вам, сердцу милые края),
Тем более, что там, в конце пути,
Нас ждут друзья, я верю, ждут друзья.

Какое это странное родство
За сотни вёрст нас отправляет в путь?
И вот гудят автобусы, и вот
Стучит дороги учащённый пульс.

Немного ведь, казалось бы, делов,
Подумаешь - попеть, потолковать,
Но отступает перед песней зло
И правильной становится слова.

Судьба нам отпустила этих встреч
Не так уж много, что не говори.
И, если уж приходится стареть,
Чуть медленней с друзьями этот ритм.

Чуть-чуть неспешней время полетит
Пока живёшь, тоскуя и смеясь,
Пока уверен, что в конце пути
Тебя опять, как прежде, ждут друзья.

За этим ты отправиться готов
В далекий край за тридевять земель.
Всё памятью вернётся к нам потом
В пока ещё не завтрашней зиме.

Мелькнут, как сквозь застывшее стекло,
Все лица, различимые едва.
И будет отступать пред ними зло
И становится правильной слова.

Июнь 1987г.

Игры

Как несерьёзны эти игры
На фоне прочих страшных битв,
Когда мы в воск вонзаем иглы,
Чтоб погубить, чтоб погубить.

Играем в куклы - что за детство! -
И призываем силы тьмы,
И в этой жути видим мы
Незаконенное средство.

И пусть наш враг могуч, умён и даже знатен,
Но что, скажите, может он, когда во тьме
Под бормотание кликуш, под звон проклятий
В затылок, в тыл, исподтишка сзывают смерть.

Какие страшные события
От этих игр произросли:
Оборван путь, отобран титул,
Кровавой пеной дом залит.
А мы привычную игрой
Опять досуги заполняем.
Играем в куклы, забывая,
Что есть у них и плоть и кровь.

Сейчас они и благородны, и богаты,
Живут у зависти и злобы на виду,
А завтра их (и так бывает) поведут
На эшафоты, на костры и в казематы.
Оно спокойней, в самом деле,
Без всяких лишних бранных слов
Стрелять по движущейся цели
Из-за угла и из кустов.

Июнь 1987г.

Страсти по телефону

Повезло! Нежданно и не к дате.
Просто так, без видимых причин,
Извещенья маленький квадратик
Я сегодня с почтой получил.

Вовсе я не бегал по начальству,
Никому «на лапу» не давал,
На работе грозными речами
Не качал, представь себе, права.

Где моё везение кружилось,
По каким несчастным сторонам?
Это всё не к пенсии свершилось,
Не к болезням, не к похоронам.

Парки нить мою бесстрастно вили
От удачи где-то в стороне.
Повезло! И в смертный час, как видно,
Есть теперь о чём припомнить мне.

Повезло! Всё мудро в этом мире,
До чего ж отлично сделал он!
Повезло! На днях в моей квартире
Будет установлен телефон.

Ноябрь 1986г.

В старинном городе Окве,
Там жили оквичи,
Тесали кол на голове,
Лежали на печи.

Давно сквозит из всех углов,
Везде скопился сор,
И старый город Ереловск
К ним шлёт своих гонцов.
Ереловчане оквичей
Стыдили всякий раз:
Мол, хватит спать, слезай с печей,
Пора отчистить грязь.

Пора приняться за дела
И уважать себя,
Но, видно, кровь у тех была
Уж очень голуба.
А юный город Каснораль
Шлёт в Ереловск гонцов:
Мол, так и так, бросать пора
Просиживать крыльцо.

Не всё же вам в кулак свистать
Да смаковать вино,
Давно пора к работе встать,
Пахать уж срок давно.
А в Каснорали из Села
Гонцы сидят как раз...
Такие шумные дела
В Оковии у нас.

Июнь 1987г.

Город, в котором я живу

Мой город, он как все иные города.
Сезонов здесь лишь три: зима, весна и осень.
И всё ж мы здесь живём, привычны к холодам,
Хоть говорят, что к ним нельзя привыкнуть вовсе.

О городе моём написаны стихи,
Но нежных слов, увы, в них мало отчего-то,
И всё ж мы здесь живём в скрещеньи всех стихий,
Не числа жизнь свою тяжёлою работой.

Над городом моим - привычные дымы,
И снег, что утром бел, под вечер прокоптится,
И всё ж мы здесь живём, и нянчимся с детьми,
И верим в то, что им удача - здесь родиться.

Над городом моим, как вешняя река,
Прокатятся года, круша и создавая.
Не зря ж мы здесь живём, среди лесов и скал,
И Родиной его привычно называем.

Октябрь 1987г.

Приветствие фестивалю самодеятельной песни г.Златоуста, 1987г.

Я не помню, как давно
Это всё заведено:
Лишь появится трава,
Лишь согреемся едва,
Вспоминаем то, что звал
Златоуст на фестиваль.

Все текущие дела
Мы отложим «на послы»:
И болячки на ноге,
И экзамен, и банкет,
И свиданье (чёрт с ним, пусть) -
Улетаем в Златоуст.

Снова песни зазвонят,
Разговоры у огня,
Будут тёплые слова,
Словом, будет фестиваль.

Что нам долг и что нам дом -
Всё доделаем потом,
Пропадай, билет в кино...
Так у нас заведено:
Уезжаем - нас позвал
Златоуст на фестиваль!

Душа моя живёт с собой в борьбе,
Всё без тебя мне кажется угрюмым.
И хоть нельзя мне думать о тебе,
Как это можно - о тебе не думать!

Прекрасен нам, увы, запретный плод.
Он поровну налит вином и ядом.
И опаляет всех живущих рядом
Огонь его, и наши души жжёт.

Мой дом затих, и в нём уже давно
Живёт неистребимый дух обмана,
И в сердце кровоточит рана,
Которой исцелить мне не дано.

Нет, не вернёт утерянную ясность
Любовь, где обе стороны несчастны.

Вёз человек воз,
Нёс человек груз,
Гнул тяжело торс,
Дул тяжело в ус.
Шёл, не жалел ног,
И не копил зла.
Что ж увидал в нём
Злобный чужой глаз?
Ножку ему - раз,
А позади - воз,
Он и упал в грязь,
Прямо во весь рост.
Ты не горюй, нет,
Ты дурачок, брат.
Станешь, как мы, нем -
Будешь, как мы, прям.
А не клони плеч,
Слишком не дуй в ус,
Долго ль костями лечь,
Если тяжёл груз.

Ты нам в укор жил,
Больше других пёр.
Лучше б копил жир,
Чем проливал пот.

А человек встал,
Грязь отряхнул с рук...

1983г.

Однажды ночью снится зал,
Где все свои и слышно пенье.
Везде распахнуты глаза -
Глаза любви, глаза доверья.

Где нет заслуженных врагов,
Где все живут на вдохновеньи.
Тебе не спросят, кто таков,
Раз даришь от души творенье.

Где в возрасте различий нет,
Сердца от встречи молодеют,
Где зритель ждёт одних побед,
Ряды его не поредеют.

Давно мне снится этот зал,
Тут жизнь летит волшебной птицей,
И все свои, и каждый - за...
Пускай мне снова всё приснится.

По-итальянски...

Махать руками, громко говорить,
Менять лицо на каждом полуслове,
Четыре раза к ряду повторить,
Упомянув при этом всех святых.
В такой же взбудораженной толпе,
Не слушая ответных суесловий,
Что наболело, высказать, успеть,
Добиться, достараться, донести...

Как странно, что великие слова,
Над коими мыслители стихали,
Произносились вовсе не стихами,
А в этом гвалте, слышные едва.
Но тот, кто их расслышал, распознал,
Проникся их непостижимой сутью,
Возвысился, Джоконду написал,
Иль просто ткнулся в амбразуру грудью.

Смотри: разбег навстречу суете -
И сделан вздох для искромётной речи,
Но всё напрасно: и слова не те,
И жест никак на место не встаёт.
Всё правильно: непонятым остаться -
Оно теперь спокойнее и легче,
В мельканьи жестов, в спектре интонаций
Упрятать сокровенное своё.

Не всё ль едино, как себя спасать
От праздных взглядов, злого любопытства.
Молчаньем, многословьем ли прикрыться,
Недвижностью иль живостью лица.
И в общем шуме этих праздных слов
Уже не различаешь прежней драмы.
Артист умело двигает руками,
Приманивая взгляды простаков.
Итак, давайте ж громко говорить,
Менять лицо на каждом полуслове.
Давайте! Громко! Говорить!

Октябрь 1987г.

Беда - 2

Из тепла да в мороз,
Из снегов да в жару,
Было всё не всерьёз,
Не до губ, не до рук...
Не кружилась беда,
И, по краю скользя,
Мы очнулись, когда
Отшутиться нельзя.

Было всё не всерьёз
В наших днях и словах,
Ни любви, ни угроз,
Только «Ох», только «Ах».
И не где-то вдали,
А у всех на виду.
Разве ж знать мы могли,
Что шагаем в беду.

И гроза разразилась
Средь белого дня,
Обжигая тебя,
Ослепляя меня.
И окутал мороз
От насмешливых слов...
Было всё не всерьёз,
Да настала любовь.

Шагали по городу три мужика.
Куда они шли - мы не скажем пока.
Ты спросишь: к чему тут секреты?
Да просто интрига не в этом,
К тому же их цель не была далека.

Но! Встречной дорогой, представьте, втроём,
Шли девушки (вот!) и о чём-то своём
Смеялись, галдели, вокруг не глядели.
Вот ребус: чего мы от этого ждём?

Мужчины, конечно, замедлили шаг.
Известно, ранима мужская душа,
Но здесь, на пути к Гастроному
Причины должны быть весомы.
Да вот они - мимо идут не спеша.

Да мимо идут они, мимо.. Увы!
Ну, хоть бы малейший наклон головы,
Улыбка, кивок - и готово,
Уж сказано первое слово,
А дальше, глядишь, далеко ль до любви...

Шагали по городу три мужика,
На встречных глядели чуть-чуть свысока.
Хоть, девушки, вы и прекрасны,
Не ваш нынче день - это ясно,
К тому же и цель уже недалеко.

Лимерики

Посетила поэзии муза
Одного благородного мужа.
Сто пудов чепухи -
Он рифмует стихи,
А потом их читает к тому же.

Тот, кого эта муза поманит,
Тот немного всегда графоманит.
Он не ест и не спит,
Всё чего-то творит
И других этим чем-то тиранит.

Как, наверно, хотелось бы нам бы
Научиться наяривать ямбы
Или, скажем, хорей.
Научите скорей.
Ну, гекзаметру, что ли, хотя бы.

Говорят, до открытия Америк
И Колумб тоже бацал лимерик.
Только будто бы он
В рифмах был не силен.
Закатил 10000 истерик.

Говорят, что заморские страны
Потреблять перестали бананы.
Это, братцы, туфта,
Там их трескают так,
Что от голода мрут обезьяны.

Одному непутёвому пэру
Очень нравилось пиво не в меру.
Он с утра его пил,
Чем ужасно сердил
Свою строгую леди, к примеру.

У ленивого пэра из Порты
Дочь давно занимается спортом.
Ну, а он для неё
Только песни поёт,
Да и песни не лучшего сорта.

Благородная леди про ужин
Говорит, что, мол, он ей не нужен.
Что всех прочих ледей
Она станет худей,
И других призывает к тому же.

Два весёлых джентльмена из Шали
Рок тяжёлый весьма обожали.
И они бы всю ночь
Его слушали, но
Все соседи весьма возражали.

Нечестивец из города Норма
Обожал только жёсткое порно.
Он и ночью и днём
Всё участвовал в нём,
Не считая, что это зазорно.

Сны о перестройке

Дух свободы, к перестройке
Вся страна стремится...
Хорошо лежать на койке -
На врагов яриться.
Попадись мне вор-растратчик,
Бюрократ отпетый,
Он тогда уже поплачет,
Схлопотав газетой.
Ух, я этих, хитро-мудрых,
Слабых да нестойких...
Пусть приснится мне под утро
Сон о перестройке.

Сон 1. «Дух свободы...»

Ленивый удав, проглотивший вчера антилопу,
Лежал на болоте и слышал сквозь сон причитанья
О ней. Слышал он, что была антилопа прекрасна,
Легка, грациозна, любима, а также полезна.
И с мнением о пользе её он весьма согласился.
О пользе вообще всех, кем, скажем, он мог пообедать.
А кроме того, он почувствовал гордость за то, как
Свободно они изливают свои причитанья
И громко при том проклинаят удавово племя.
Свободу любя, был за то он на них не в обиде...

Сон 2. «... к перестройке...»

Я иду в перчатках, фрак подставив ветру,
Лаковым ботинком мну траву в лугах.
До чего же, братцы, хорошо на свете,
Выразить возможно разве что в стихах.

Косари лихие валят травы бойко,
От граблей летучих аж в глазах пестро.
Приросли к покосам, лучше б к перестройкам.
От неё поболее пользы для коров.

Я и сам не против посвистать, поахать,
Я к труду такому сызмальства привык.
В этой спецодежде, да с моим размахом -
Что ни повстречаю, перестрою вмиг.

Верю: к перестройке всё давно готово,
Хоть и перестроить будет нелегко.
Но её поддержит каждая корова,
Отдавая плату тёплым молоком.

Ты ж одобрил состав,
Ты свой голос отдал,
Ты же знаешь устав -
Что ж ты раньше молчал?

Ты бы раньше вот так
Всех подряд обличал.
Испугался, слабак?
Что ж ты раньше молчал?

Осторожничай впредь,
Кукиш прячь, хохоча,
Только хватит шипеть.
Что ж ты раньше молчал?

Смейся, ежели жизнь
Рвёт рука палача,
Но чего ты дрожишь?
Ты же раньше молчал.

Значит, есть что терять:
Свой покой по ночам.
Можешь далее спать,
Ты и раньше молчал.

Это что за напасть -
Жить, в сторонке топчась,
Чтобы знать, где упасть,
Чтобы знать и молчать.

Ладно, можешь и впредь
Хлопать громким речам,
Только хватит шипеть.
Что ж ты раньше молчал?

Сумерки сгущались по углам,
Стыли блики на холодных стенах.
В пламя, не дававшее тепла,
Брошено последнее полено.
Через наплывающую жуть
Заоконной сырости и мрака
Доносился привокзальный шум,
Тосковала, маялась собака,
Пониманье чьих-то глаз почуя.
Гас камин, издав последний треск,
Ветер замораживал, кочуя.
Праздник одиночества царил,
И являлось множество фантазий:
Нищие, поэты и цари,
Множество прекрасных, безобразных.
Вот старик, с ним пёс, он бел как снег,
Женщина с мечом, мальчишка, музы...
В доме пробуждался детский смех,
Оживала старческая мудрость.
Я им был и богом, и царём,
Я им говорил - они внимали,
Я любил их слабость, блеск корон,
Их уют, тепло и пониманье.
Это был мой мир, когда б я мог
Оградить их от людского взора...
Что мне люди: двери на замок!
И плотней, ещё плотнее шторы.

Летите по свету, холодные ветры,
Навстречу рассветам, холодные ветры,
Повсюду развейте, холодные ветры,
Горячие песни и кличи приветов.

Поцелуй же меня. А знаешь,
Я не думал, что ты земная.

По городу, где снег не убирался,
Наверно, три или четыре дня,
Шёл человек, точнее, пробирался, -
Шёл некто, ненавидевший меня.

Какие там сугробы, что за вздор,
Пока глаза полны не снегом - гневом,
Покуда под одним с тобою небом
Живёт твой враг и счастлив до сих пор.

Восславим же неистовых врагов!

Заявление студента Неволина М. В. о приёме в стройотряд

Братки! Да я на целину
Сбегу и плюну на «Весну»!
Возьмите! Буду очень рад!
Умы! Гиганты! Вот отряд!
Молва не зря про них летит,
С такими я - хоть в «Малахит»,
И даже в «БУШ» не побоюсь.
Пиши в абзац - туда прошусь.
И кстати, не забудь, браток,
Мою гитару между строк,
Моё добро (проклятье, зло!),
С чутьём, конечно, повезло.
Возьмите, очень вас прошу!
Молю и тем свой рупь вношу.

«Весна» - «Весна УПИ», ежегодный студенческий фестиваль
«Малахит», «БУШ» («Большой Урал») - свердловские рестораны

1968 год. ССО «Легенда»

«Алло! Это кто? Позовите ее!»
И снова шаги... «Тебя, подойди...»
Сейчас я скажу ей, скажу, что влюблён,
Что сбился совсем с пути,
И слышу: «Да! Я слушаю. Ну?
Кто это там? Говорите!...»
Я ж сразу не вспомню никак ни одну,
И мыслей потеряны нити...
Но в трубке щелчок и гудит автомат
Я вспомнил! Кричу: «Погоди же...
Верни же хоть голос её назад.
Отдай мне её! Слышишь?!»

Как неоткрытые миры,
Как непрочтённые поэмы.
Всё те же древние костры,
Всё те же вечные проблемы.

Разве можно прожить без людей
Или скажем без пушки?
Ну, а если нельзя, то налей
Наши доверху кружки.

Кто ты, девочка?
Зачем ты рвёшься в взрослость,
Осторожность для тебя не враг.
И ещё ты не подходишь ростом,
И ещё смеёшься ты не так.
На плечах раскинутых заката
Первый плод спешишь урвать скорей.
А потом не будет виноватых.
Ты учись, не думай, не жалея.
За неловкость кто тебя осудит,
За надежду... без неё никак.
Счастлив тот, кто в первый раз разбудит
Женщину под утро на руках.
Будет очень-очень нежным тело,
Будут лаской полниться слова.
Девочка, ты слышишь? Ты хотела
Этого? Наверно, ты права...

Кланяюсь власти твоей монаршей -
Выдумка, пушкинская улыбка,
Не оставляй нас в юдоли нашей,
Смилуйся, государыня рыбка!
Сквозь безволшебность,
зряшность
и грешность
Дай различить тебя, хоть ошибкой.
Не покидай нас, диво презревших...
Смилуйся, государыня рыбка!

Не заметил, когда я прошел рубежи
И в чужой стороне закружил, заплутал,
Как оставил привычную пресную жизнь
Где-то там.

Мне б назад повернуть, только цепью в меня
Впились злые азарты борьбы и погонь,
И теперь я уже не смогу их сменять
На покой.

На привычную речь,
На мелодию сна,
Свою душу обречь
Раньше времени на
Казематную тишь,
Звон привычных оков.
Разве ж можно сменить
Свою жизнь на покой.

И теперь я живу в незаконном краю.
Об оставленном доме с восторгом пою.
Вру, что там я оставил и душу свою,
И надежду свою.
А в душе всё надеюсь: не вспомнит никто,
Не отправит мне полный упрёков листок.
И, спеша, свою жизнь с прежней сути пустой
Перекраиваю.
На возвышенный тон,
На бунтарскую речь,
Пока есть ещё что
Сохранить и беречь.
Стать сильней и бодрей
От испытанных мук,
Стать ненужным в том прежнем дому
Никому-никому.

Изо всех, кто сегодня пьёт с нами ром,
Только ты не забыл свой дом.
Изо всех, по кому скучает тюрьма,
Только ты свою помнишь мать.

Мы забыли мать, мы не помним отца,
За удачей спеша своей,
И на суше вряд ли найдешь подлеца,
Что любого из нас подлей.

Только, видно, никак не прогнать из души
Эту чёртову дрянь - тоску.
Хоть питьём, хоть бабой глуши - не глуши,
Разве что пистолет к виску.

Разве что её умиряет дрожь
Чей-то щедрой на смерть руки.
И тогда в кабаках проливают кровь:
Просто лечатся от тоски.

Так что ты, приятель, наверное, зря
Чересчур размяк за столом.
Ты уж лучше всю эту погань спрячь
И давай-ка, глотай свой ром.

«Стол накрыт, пора заняться делом...»
Шутка и понятна и легка.
И подумать только: пролетело
Двадцать лет с последнего звонка.

Двадцать лет. Мы те же, но взрослее.
Многих и не вспомнишь: двадцать лет.
Всё, что в нас когда-то только зрело,
Состоялось, вырвалось на свет.

Все мечты (за вычетом расчётов),
Все любви (минус суета).
Кто достиг уюта, кто почёта.
Кто в загул, а кто - в Афганистан.

Вот мы: те, кто есть. Других не будет.
Половина жизни позади.
Мы свои рассказываем судьбы
Разные, но срок у них один.

Двадцать лет так быстро пролетело -
Сколько нам ещё асфальт топтать?
«Стол накрыт, пора заняться делом...»,
Вопреки указам и годам.

Все виды транспорта подходят для беседы.
Избави бог нас от болтливого соседа,
Но уж угрюмого молчальника нет хуже,
Летит дорога, раскрывая наши души.
Они оценят и находки и потери.
Пусть что-то вспомнится немного не по теме.
Мы вдруг по-новому увидим то, как жили.
Ведь мы попутчики, а значит, не чужие.
Ты выбрал, словно в лотерее, чьи-то лица.
Летит дорога. Ей нельзя остановиться.
Летит дорога. Через судьбы, через годы
И очень тесен мир плацкартного вагона.
Летит дорога. Так много и немного.
Кого пошлёт она сегодня нам, дорога?

Пусть всё будет как в кино:
Титры, действие, развязка,
На стене проекций пляска,
Звон трамваев за стеной.
Повторяясь вновь и вновь,
Пусть расскажут светотени.
Перипетьи старой темы:
Я + ты = любовь.

А когда погаснет свет
Мы с тобой притихнем в зале.
Мы давно уже сыграли
Этот старенький сюжет,
Но с надеждой и мольбой
Поглядят на нас с экрана
Наши боли, наши раны,
Ты + я = любовь.

Всё в сценарий вплетено
«Роковой», наивной страстью.
Только души будем тратить
Наяву, а не в кино.
И уйдем от жарких слов,
От экранного угара.
В перипетьи темы старой
Я + ты = любовь.

Б.Н.

Благословенен будь, поэт!
А уж тем паче - поэтесса!
Благословенна будь, и честна
И пусть сквозь страх твоих стихов
Глаголет истина веков.

Или, когда придёт истома
Уйди куда-нибудь из дома.
Взгляни, какой он - город ночью,
Черкни в газетку между прочим,
Тому возрадуйся, но нет! -
Благословенен будь, Поэт!

Какие были времена
Когда я был ничей,
Но появилась вдруг она
Неведомо зачем.

Из воспоминаний друзей и близких

БАЙКОНУР

Наверное, это был первый и последний в моей жизни визит на космодром. В мае 1991 года мы вдвоем с Мишей Невוליным (оба барды) по приглашению организаторов полетели из тогдашнего Свердловска туда, в тогдашний город Ленинск, на фестиваль авторской песни, который проводился, по-моему, уже у них во второй раз.

Советский Союз доживал последние месяцы, но разве могли мы об этом знать? Мы радовались, как дети, просто тому, что благодаря «перестройке и гласности» получили уникальную возможность побывать в некогда суперзасекреченном месте и повидать, может быть, такое, что миллионы других людей не увидят никогда. Будем рассказывать потом детям и внукам.

Летели мы как-то сложно и путано: Аркалык, Кзыл-Орда, потом три часа местным поездом до какой-то пыльной пустынной станции, и только там, увидев автобус для гостей фестиваля (город ЛЕНИНСК, оргкомитет фестиваля «БАЙКОНУР-91»), мы с Мишей облегченно вздохнули - попали, слава Богу, куда надо!

А попали мы вскоре и на ту площадку («двойку», по-местному), с которой когда-то стартовал Гагарин, и на ту, где стояла «Энергия-Буран», и в Дом культуры «КОСМОНАВТ», где, собственно, и проводился фестиваль, на который мы прибыли. На котором вскоре познакомились с замечательными бардами: Колей Старченковым из Тюмени, Костей Зарубиным из Самары и многими ещё. В этой большой компании нас и возили автобусом и к стартовым площадкам, и к памятникам, и к другим разным достопримечательностям «космического» города.

Коротко о самом занимательном.

- Ракета, оказывается, при старте стоит на опорах, как человек на граблях, и давит на них своим весом, а они служат для предстартовых подготовок и проверок.

Эта инженерная находка помогла в свое время сэкономить кучу денег, могущих уйти на устройство сложной автоматики по синхронному откидыванию опор во время старта. А так всё просто: Ракета приподнимается – все грабли отваливаются в стороны. Поехали!

- МИК - это монтажно-испытательный корпус. Там на огромных ложементах покоилась «ЭНЕРГИЯ-2», махина очень впечатляющая и даже подавляющая. Больше всего было досадно, что в какой бы дальний угол МИКа ты ни отошел, эта громадина помещается в кадр фотоаппарата всего лишь каким-нибудь одним своим фрагментом.

- На пусковой площадке от ракеты все время идет пар. На самом деле, как нам пояснили, это испаряется жидкий азот, которым чего-то там охлаждают. Но опаска, что ракета вот-вот сейчас взрвёт и взлетит, от этого пояснения не исчезает.

- Просто шок мы с Мишей испытали, когда узнали, что можно спокойно снимать и фотоаппараты не прятать. Это разрешение, как оказалось, было введено только что, ввиду большого наплыва журналистов в связи с предстоящим международным запуском, ну, и ввиду еще не прошедшей эйфории от беспредельной гласности. Фотики у нас были, конечно, и мы активно принялись щёлкать, правда, по разной методике. Я обычно ловил кого-нибудь (чаще Мишу, ибо он далеко не отрывался), ставил на фоне того, чего хотел заснять, и щёлкал. Мишка же никого не принуждал и не строил в шеренгу, а просто снимал всё, что было ему интересно, вплоть до каких-то мелких объявлений на стенках.

Вечером у нас были посиделки в квартире у кого то из работников космодрома – любителей авторской песни. Поскольку поющих гостей было достаточно много, гитара шла по кругу. Спел песню – передай дальше. Никто не возражал, все пели по одной, но Неволину как-то подфартило, а точнее, он просто лихо и умело взял старт: после того, как он закончил

свою песню (по моему, это было «Не стреляйте в музыканта») и уже протянул гитару следующему, народ вдруг так энергично зашумел и захлопал, что хозяин закричал: «Давай, Миша, ещё!». Ну, Миша и дал!

На следующий день, 19 мая, с «двойки» стартовал международный экипаж: двое наших мужиков и англичанка Хелен Шарман. Мы с Мишей долго не думали и буквально за двадцать минут настроили «совместный советско-британский романс» (через десять лет он вошёл в первую книжку моих песен, конечно, с указанием обоих авторов), где немножко поиграли в слова. «Мир» – это еще и название орбитальной станции, кружившей тогда над планетой, а «Союз» – космический корабль, как раз на троих. Романс этот мы исполняли каждые пять минут и каждому встречному, раскручивая популярность как свою, так и Хелен Шарман.

Итак....:

Когда Вы дома нынче крепко спите,

Естественно, представить сложно Вам,

Какой ШАРМАН сегодня на орбите –

То неподвластно никаким словам!

Когда джентльмены ужинают с леди,

Своих не нарушая брачных уз,

Они пока (пока!) ещё соседи

Но уж твердят: Прекрасен наш «СОЮЗ!»

Джентльмены с леди - это так обычно,

Когда ничто не связывает их.

Но трое в лодке - это неприлично,

Пуск проводился со 2-й площадки, это я ранее упоминал. Но мы там уже были на экскурсии, поэтому сильно не рвались поехать смотреть этот пуск, тем более что местные знатоки

сказали: вблизи площадки всех загонят в укрытия, и вы ничего не увидите.

В момент старта на городском стадионе как раз происходило открытие фестиваля. Парад участников, приветствия – всё как полагается. И организаторы устроили так, что ко времени «Ч» во всё́м этом действе образовалась пауза. Как будто старт космического корабля стал частью программы открытия! Может, специально, а, может, случайно получилось... И когда настал момент старта, все на стадионе замерли, напряженно ожидая мощных громовых раскатов ракетных двигателей. Но вместо этого увидели вдалеке просто серебристую довольно большую иглу, подымавшуюся вверх, а за ней яркий жёлтый факел длиной впятеро больше самой иглы! Секунд за 10-15 она исчезла из виду, оставив в небе дымный след, и только потом раздались глухие раскаты грома, плавно переходящие в наше восторженное «ура!». Вот и весь рассказ.

Что больше всего там поразило? Да обстановка у ворот, то есть въезда, в этот суперсекретный, мощный, хорошо обеспечиваемый и знаменитый город. Красивые ворота, автоматизированные, с огоньками - мигалками, жужжжалками и видеокамерами. Мощный высокий забор, чистота, строгость, порядок. Охрана с автоматами.

Но, пока шла сверка-проверка документов и наш автобус ждал, дёрнул нас с Мишей чёрт отойти по одному маленькому делу в кусты. И, пройдя шагов 40-50, мы увидели: поваленный неказистый деревянный забор и бродящие туда-сюда, жующие траву коровы – из запретной зоны в обычную и наоборот. «Вот такая она у нас страна» - обронил Миша. Мы тоже зашли, подобно коровам, в «зазеркалье», постояли там пару минут, прислушиваясь к своим ощущениям, и вернулись обратно к воротам, чтобы сесть в автобус и пересечь границу запретной зоны по-честному.

Сергей Боханцев

"Куда ты скачешь мальчик?"
С концерта Михаила Неволина и Павла Бочарникова.
1987 год.

Совместное программирование

Не красавец!

Россыпь пшеничных волос.

Одет небрежно. Не гламур.

Но!

Неотразим. Способен влюбить в себя любую, не прилагая специальных усилий.

Убийственное обаяние – обаяние ума, таланта, интеллекта.

Физик по образованию, суперпрограммист по специальности, романтик по натуре, поэт по призванию, спортсмен по сути – талантлив во всем, чем бы ни занимался.

Любил жизнь во всех её проявлениях, заражая этим человечество.

Яркая вспышка на небосклоне.

Ушел рано, оставив счастье общения, мудрые песни и рецепт рябинового желе.

Ирина Константинова

Невольное соавторство

В семидесятом году мы были на целине в Казахстане. В День Строителя по традиции целинные отряды собрались на фестиваль в районном центре. Это всегда запоминающееся событие – встреча друзей за тысячи километров от Свердловска, от УПИ, от физтеха. После насыщенной программы мы собрались у костра. Гитара ходила по кругу. Когда очередь дошла до Миши Неволина, который уже тогда писал стихи и песни, он спел свою песню «Вот и всё – я забыл адреса». Меня она так зацепила, что я пристал к Мише – спиши слова. Вскоре прозвучала команда – «По машинам!» - и я при свете костра, буквально на ходу законспектировал слова под Мишину диктовку. Ещё раз послушать песню времени уже просто не было. Мы разъехались. На следующий день я разобрал свои записи, восстановил слова и даже, как мне показалось, мотив. Песня вошла в мой репертуар, и меня часто просили её спеть.

После целины на очередном сборище кто-то попросил: «Вот и всё – я забыл адреса»! Я говорю – Ребята, это песня Миши Неволина. Пусть он её и поёт. – Миша говорит: – Да ладно, чего уж там, пой. – Я спел. Миша хмыкнул: – Ну что тебе сказать? Слова почти все правильные, а мотив совсем другой. – Я говорю: – И что теперь? – А Миша: – Да ладно, пой по-своему. Тоже ничего.

Так и поём Мишину песню: он – по-своему и я – по-своему.

Александр Березин
1970г.

Годы учёбы и туризма

С Мишкой познакомились на 2 курсе. Была такая мода – физтеху дружат с экономисточками. Вот они нас и пригласили на Волчиху. Парни все как на подбор – умные, красивые, весёлые. И среди них такой увалень с гитарой. Но когда запел... Покорил навсегда. Потом остальные девчонки куда-то исчезли, а мы с ребятами до сих пор дружим. Мишка не только пел отлично. Вообще был очень интересным человеком. С ним можно было говорить абсолютно обо всём.

Поскольку я «перпендикуляр» и он «упертый», часто ссорились на пустом месте. Я психую, он смеется. А сколько стихов он знал! Открыл для меня Кирсанова и Луконина. Книгу стихов Семена Кирсанова подарил Володе с надписью «Пусть твой дом всегда будет таким же гостеприимным.» Потом был Сирано де Бержерак – приобщение к классике.

Увлекался чеканкой, вырезал сюжеты на плитке ПХВ. Что-то у меня даже сохранилось. Потом вдруг академка... Но совсем уж на год не исчез. В наших походах и посиделках часто был с нами. «Кассандра» во многом и его заслуга. Помню мужской хор под его руководством под окнами общежития в час ночи. Экзамен по философии, на который меня доставили прямо с электрички. Диплом, все расчёты в котором сделаны Мишкой. Да много всего ещё... Спасибо ему!

Тамара Концевая

С дочерью Наташей
1975 год.

КСП

Хорошо помню, как в 80-том году Миша с Пашкой Бочарниковым прославили песню «Куда ты скачешь, мальчик» - это был сокрушительный успех и большая удача исполнителей. С этого выступления их почерк и подход к материалу стал привлекателен не только знакомым и приятелям. Для меня было очевидным, что их дуэт сложился и получил доброе признание тогдашнего довольно компетентного песенного сообщества.

Сергей Саловаров

Зал поёт Окуджаву «Поднявший меч на наш союз...» стоя.
КСП. ДК ВИЗ. 1980 год.

«Клюёт ли рыба?»
1984 год.

Стройотряд. 1968 год.

После Байкала у Сусловых.
1990 год.

Мой старший брат

Я родилась через 8 лет после Миши. Эта разница в возрасте мне казалась пропастью: он не сюсюкал со мной и мне казалось, что даже не замечал меня. Но, однажды, мальчишки с улицы меня обидели по –серьезному и тут возник Миша и раскидал эту «шоблу». С тех пор я смело могла заявлять и даже угрожать своим потенциальным обидчикам: «Вот скажу брату- он тебе задаст!». Но больше меня никто не трогал.

Мы жили в самом центре города – сейчас эта улица называется «им. Маршала Жукова», а была с очень странным названием - Допризывников. На весь наш район многоэтажных домов было так мало – по пальцам сосчитать, в основном это были одно – двухэтажные строения с удобствами на заднем дворе и водой из колонок, по одной на каждой улице. Дома постройки конца 18 – начала 19 века – такие теремки с парадными, крылечками, украшенные деревянной резьбой, маленькими балкончиками и резными колоннами. Теперь такие громко именуют коттеджами. Только населены они были как сказочные теремки - в каждой комнатенке по семье и для обогрева - печь голландка в углу.

У Миши был цикл песен, посвященный этому периоду жизни. Школ тоже было не много - на всю округу центральной части города: английская №2, обычная десятилетка №12 и школа №9. По какому принципу в школы детей набирали, сложно сказать, но один из Мишиных друзей из соседнего двора попал в школу с углубленным изучением английского языка. И Миша шутя освоил английский вместе с другом, пока тот учил уроки. Ему легко давались знания. На смену арифметике в начальной школе появилась математика. Мама принесла учебник для 5-6 классов в начале летних каникул – Миша пролистал, прочитал его сидя на спинке стула (как птичка на жердочке) и к началу учебного года в 5 классе он знал программу 5 и 6 классов по математике. Чудесный педагог Раиса Федоровна стала давать ему индивидуальную программу во время своих уроков, а в 7 классе на педсовете подняла вопрос о Мишиной дальнейшей учебе - к концу 7 класса он освоил программу математики за весь школьный курс.

Умнички-преподаватели решили, что, если за лето Неволин сдаст экзамены по всем предметам, то его переведут.

А вот английский сдавал по частям, по темам – недоверчивая Римма Марковна, несколько лет прожившая в Лондоне, не могла поверить, что простоватый на вид школьник блестяще отвечает на любой вопрос, заданный на английском языке. Экзамен напоминал беседу понимающих друг друга людей. Английский отшилифовали. И тут я прихожу в первый класс этой же школы. Я обычный ребенок с ленцой, а требования ко мне предъявляли с оглядкой на Мишу, только что успешно сдавшего экзамены экстерном по всем предметам за целый класс. На родительских собраниях мне доставалось, и я с ужасом ждала возвращения папы с этих собраний. Это была не простая школьная пора и если всем ставили 4 или 5, то мне – только 3, дескать, могу больше и лучше. Зато я была неизменным старостой с 1 класса до самого выпуска из школы. Замечательный жизненный опыт.

Он был очень умным, мой старший брат, и мне казалось, что он знает все, все, все – на любой вопрос ответ был готов подробнейший и мгновенно.

Кстати, об английском: у нас семья была читающая, книгоглоты. Как-то Ольга попала в больницу, и мама пришла к ним пожить и помочь – Леночка была совсем малышкой. Вечером Миша читал книгу и в голос хохотал. На следующий день мама решила почитать его книгу, пока малышка спала. А книга оказалась на английском. Миша много книг привозил из командировок – детские красиво иллюстрированные книги (хорошие детские книги на русском – дефицит в советское время), и, читая их дочкам, он переводил текст «с листа». Он терпеть не мог Агату Кристи за примитивный английский и обожал Чейза за сложные конструкции предложений.

Конечно, он был не простым, мой старший брат. Братьев не выбирают.

При жизни мы оцениваем, а потеряв, начинаем ценить.

Сестра Марина Деминова (Неволина)

«И птичка вылетает..», 1989 год.

После регистрации в Верх-Исетском Загсе.
Свидетели Гера Шишов и Марина Неволлина
11.12.1980 год.

У меня

О папе складывается впечатление с детства. И поэтому многие воспоминания о родителях, это воспоминания маленьких девочек и мальчиков, ведь папа занимает половину их маленького мира.

У меня - сильный папа.

Когда мы шли в поход, у всех были рюкзаки, подобранные по весу. Я несла свои вещи. Мама – и свои, и мои, и папины, и еду. А все остальное – палатку, спальники, посуду, лодку – нес папа! У него получался рюкзак – выше и тяжелее его самого, и точно больше меня! Я даже сдвинуть его не могла! И всегда знала, что мой папа – очень сильный!

Р.С. Когда перед походом на Байкал рюкзак украли, я долго не понимала: Как воры его тащили?

У меня - музыкальный папа.

Гитару я слышала с раннего детства. Но в основном ночью и в соседней комнате. В походах тоже ночью, но у костра. И мне всегда казалось, что в походе, вечером папа становится главным, потому, что у него гитара!

У меня – веселый папа.

Есть папы разные: есть серьезные, ворчливые, ленивые... А у меня папа - веселый!

Поход, река, дождь, все мокрые – а у него на лице улыбка!

Зима, январь, он лезет в прорубь – с улыбкой!

Бежит за уходящей электричкой – я в панике – а у него улыбка!

Смотришь на фото: в лесу, на горе, в сугробе, в трусах в феврале, с рыбой, с семьей – везде, он – улыбается! И ты – улыбаешься в ответ!

У меня – горячий папа.

Лежишь в палатке, мерзнешь. Спальник и 2 слоя одежды не греют. Но тут приходит папа. От него пахнет костром! Папа – печка! И становится спокойно и очень тепло. И можно засыпать...

У меня – умный папа.

Трудно быть ребенком, когда папа такой умный! Чувствуешь, что явно не дотягиваешь до него.... Если попросить нарисовать синусоиду, например, получаешь развернутую лекцию о строении системы координат, положении точки в пространстве, и возможно через час-два, синусоида будет нарисована. По истории, получаешь лекцию, о русско-японской войне, промышленности тех лет, и жизни на селе, в ответ на вопрос о причинах революции. И так по каждому вопросу. Раньше – это было проблемой. Сейчас – мне этого не хватает.

Единственный раз мне папа сказал, что в этом он не сильно разбирается – это была география! Хотя, я думаю, что тут он слукавил...

Обрывки разговоров, песни, смех, запах, лица, тени... Воспоминания живут внутри нас, и проживают с нами жизнь. И человека уже нет. А он – рядом. И слышишь его голос, и даже можешь почувствовать запах, или услышать слово, два, три... совет, мнение или даже поговорить.

У меня – самый лучший папа!

Дочь Евгения

С дочерью Женей. 1983 год.

В Агнгарске, 1978 год.

В УНЦ с Николаем Богдановым, 1979 год.

«Завтрак»
Алтай, 1988 год.

Австрия, Майрхофен,
2012 год

«Красивый закат в Норвегии»
Остров Идзе,
2008 год,
фото Артура Лукаса

Подарок Мише на день рождения от Насти
Суслевой. В квартире на П.Тольятти самыми
ценными из вещей были компьютер, купленный
на ваучеры, и гитара «Роза».
1990 год.

Содержание

Закон парохода.....	5
А мы любили фильмы о войне.....	9
О фронтовых друзьях.....	11
Маршевые ритмы.....	12
Вот и всё, я забыл адреса.....	14
Предначертание.....	17
Об эволюции.....	18
О незначительности.....	20
Галатея.....	21
«Давно пора без всякой хитрой цели»	22
Так стоило ль бежать из дедовских краев.....	23
Себя не убедить.....	24
Дворцы и хижины.....	26
Романс о ноябрьском тепле.....	29
Объяснение в сумерках.....	30
Встречи-расставания.....	31
Романс о весенней капели.....	33
Свадебная.....	34
Музыка любви.....	36
И снова мне чудится.....	37
«Мир ещё пока по спирали мчит».....	38
Гимн чудачкам.....	39
Человек на ступеньках.....	40
Тщетные наставления.....	41
Ночь перед Рождеством.....	42
Изо всех моих печалей.....	43
«От ветра и дождя, от наступившей тьмы»	44
Песня об удачном походе.....	45
Не стреляйте в музыканта.....	46
Песня о байдарочном походе.....	48
Нет у дороги конца.....	50
«Ручей в деревьях, мелях и заторах»	51
Размышления под стук колёс.....	52
Жду рейса.....	53
Пока горит свеча.....	54
Затянулся привал.....	55
Улыбайтесь!	56
Предпоследний снег.....	57
Баллада о водопроводном кране.....	58
«Я искать не буду встречи».....	60
Вот – женщина.....	61

В доме сумерки устрою.....	62
В городе жарко.....	64
Не судьба.....	65
Друзьям, с которыми я расстался.....	66
Печаль об исчезнувшем городе.....	67
Заповеди.....	68
Не советую вам.....	70
О волках и собаках.....	72
Синица.....	74
Хан велел изготовить коней золотых.....	76
«Слушайте! Остановите мгновение».....	77
Солдат Иосиф Швейк.....	78
«Получи свою удачу».....	79
Легенда о Сурамской крепости.....	80
Никола Гамов.....	83
«Ну, что ж, наверное, пора».....	84
Новое прочтение библейской легенды.....	85
Каин.....	86
Рождение теории.....	87
Сентиментальное танго.....	88
Весенние напевы.....	89
Открылась дверь.....	90
Беда.....	91
Когда нас всех прижмут.....	92
Встреча с интересным человеком.....	93
Монетный двор Екатеринбурга.....	94
Час мужика.....	96
Размышления на пороге осени.....	97
Спокойнее всего на чердаке.....	98
«Белый снег да черный дым перемешивая».....	100
Слушаю Вас.....	101
Министр в законе.....	102
Баллада о раскрытой ладони.....	104
Собака лает, ветер носит.....	106
Домовой.....	107
Триумф.....	108
Шагнуть в небеса.....	109
С перенедосыпу.....	110
«Трава была ничья, лишь господу подвластна».....	113
Сергею Боханцеву посвящается.....	114
Советско-британский романс.....	115
О шепелявых.....	116

Памяти Бессонова Саши – однокурсника и стройотрядовца.....	118
Снег.....	119
Варежка.....	121
Очень китайская история.....	122
Бывшему пирату.....	124
Памяти Ю. Грибашева.....	126
Памяти Леонида Гришакова.....	128
Вера, надежда, любовь.....	129

Переделки и пародии

Ночной дозор (новая версия песни А. Галича).....	132
Философический канкан (новое прочтение песни Л. Семакова).....	134
Пародия на Евгения Клячкина.....	135
Новый фрак (по мотивам Беранже).....	136
Пародия на Михаила Сипера.....	138
Комариха (ироническое подражание Роберту Бернсу)	140
Подражание (Б.Окуджаве).....	141
Глазами клоуна (по мотивам Г.Бёлля)	142
Подражание Высоцкому.....	143

Из рукописей

«Ну, что тебе надо от мира сего?».....	146
«Я не пришел...».....	147
Картина.....	148
Мне страшно.....	149
«В лужах осенние плавают листья».....	150
«Я не любил свой бывший старый дом».....	151
«Весь день сегодня я с другой»	153
«Только приходит на память»	153
«Ты будешь жить как гордый бог»	154
Люде Гилёвой.....	154
«Есть такие девочки»	155
«Самые старые грёзы»	155
«Солнце жмурится, солнце хмурится»	156
«День прошел тихой скукою, весь сырой»	158
«Ты приедешь - изменится многое»	158
«А я скажу тебе слова»	159
«Вспоминай меня в трудный момент»	159
Снег - в мае! Снег - в мае!	160

«А простая девочка Алла».....	161
«Был долгим день, как взгляд врага».....	161
«Что же грустно так, словно с рассветом».....	162
«Из дали, из жгучей полуденной сини».....	162
«Лежать в степи и видеть звезды».....	163
«Неровным, тёмным был закат».....	163
«На газон чуть зелёный».....	164
«Машины город тяготил».....	165
Дутовой Галине.....	165
«Удар! - и вздрогнул лес».....	166
«Мой город стал не в меру молчалив».....	167
«Когда человек слабеет».....	168
«Я спешу, как всегда, и доволен судьбой».....	169
Любе.....	170
«Не верю синему небу».....	170
«Мелькает жизнь».....	171
«Поедем, дружище, пора нам встряхнуться немного».....	172
По дороге домой.....	173
Предупреждение.....	174
Вся страна стремится.....	175
Сказка о чудакватом генерале.....	176
«На каждое ваше сомненье».....	177
«Я - кот Василий, скромный парень».....	178
«Я нравлюсь тебе?».....	179
«Отчужденье городское».....	179
«Что за карета, ну и драндулет!».....	180
«Борьба умов, война, любовь, стихи...».....	181
Лень под яблоней.....	182
На привале.....	183
Фестивальные встречи.....	184
Игры.....	186
Страсти по телефону.....	187
«В старинном городе Окве».....	188
Город, в котором я живу.....	189
Приветствие фестивалю самодеятельной песни.....	190
«Душа моя живёт с собой в борьбе».....	191
«Вёз человек воз».....	192
«Однажды ночью снился сон».....	193
По-итальянски.....	194
Беда-2.....	196
«Шагали по городу три мужика».....	197
Лимерики.....	198

Сны о перестройке.....	200
«Ты ж одобрил состав»	202
«Сумерки сгушались по углам»	203
«Летите по свету»	204
«Поцелуй же меня»	204
«По городу, где снег не убирался»	204
Заявление студента Неволлина М. В. о приёме в стройотряд.....	205
«Алло! Это кто? Позовите ее!»	206
«Как неоткрытые миры»	206
«Разве можно прожить»	206
«Кто ты, девочка?»	207
«Кланяюсь власти твоей монаршьей»	207
«Не заметил, когда я прошел рубежи»	208
«Изо всех, кто сегодня пьёт с нами ром»	209
«Стол накрыт, пора заняться делом...»	210
«Все виды транспорта подходят для беседы»	211
«Пусть всё будет как в кино»	212
«Благословенен будь, поэт!»	213
Из воспоминаний друзей и близких.....	215

Ссылки на публикации в интернете:

<http://new.fizikotekhnik.ru/Ft-pp/Ft-pp-Nev-Mem.htm>

ФизТех УПИ - Портрет поколения 1966-1979

[https://www.yumpu.com/ru/document/read/59602458/-](https://www.yumpu.com/ru/document/read/59602458/)

Стихи и песни без редактирования.

